

18+

Название: Дети магии

Автор: WTF Mystic & Horror 2023

Бета: WTF Mystic & Horror 2023

Канон: ориджинал, отчасти «Дневники Джона Кирована» Роберта Говарда, Григорий Распутин

Размер: миди, 24393 слов

Пейринг/Персонажи: Ариес Кирован, Григорий Распутин, Честер, Хомбекансини, Хикару Асано и другие

Жанр: мистика, магия

Рейтинг: R

Краткое содержание: Юный Ариес Кирован поступает учиться в университет имени Святого Говарда Лавкрафта. Здесь прошлое его смешается с настоящим, и всплывут странные и жуткие тайны. Но теперь у Ариеса есть друзья...

Предупреждение: ангст, сны, безумие, насилие

Для голосования: #. WTF Mystic & Horror 2023 — "Дети магии"

1. Прибытие

Чей-то приятный голос напевал «Кимигаю», и это было довольно неожиданно для Ариеса, который несколько закоснел в своей уверенности, что никого из обитателей ушедшей в небытие Японии не осталось вовсе. Все-таки, насколько он помнил, их острова как раз находились на самых мощных разломах, через которые пришли волши. Ариес и не узнал бы эту музыку и слова, если б не торчал все свободное время в инфотеке, прослушивая материалы, оставшиеся от погибшей более пяти веков назад цивилизации. На это у него были свои мотивы, но еще никогда не удавалось применить знания на практике.

Общежитие выглядело вполне приличным — добротный замок о многих башенках, облепивших донжон неровными рядами, словно гриб-трутовик старое дерево. Широкий и просторный двор был застроен по всему периметру хозяйственными помещениями. Здесь были и конюшня, и птичник, на довольно большой делянке росли съедобные и целебные травы.

Окруженный постройками и молельнями Новых Богов донжон высился подобно гигантской скале. В окошках башенок горел мягкий желтовато-оранжевый свет. Сплошная стена окружала комплекс, и сильно ошибся бы тот, кто посчитал нескольких сторожей на угловых башенках жалкой охраной. Общежитие университета Святого Лавкрафта соседствовало с такой же укрытой заклинаниями дорогой, ведущей в сам университет. Вокруг университета и замка шумел древний лес. Над лилово-синими кронами носились стайки желтых птиц и гнавшихся за ними драконелл. Ариес вздохнул, бросив взгляд на уже потемневшее небо и угрожающе наползающие туши дождевых облаков, и шагнул ко входу в донжон. Несколько раз стукнул тяжелым медным кольцом о медную же латку. Почти сразу

в узорчатых металлических воротах открылась калитка.

— Заходи скорее, — плотный рыжеволосый мужчина с голубыми цепкими глазами посторонился, пропуская Ариеса в коридор. Под ногами скрипнули некрашенные половицы, откуда-то доносился запах готовящейся еды. У голодного Ариеса рот наполнился слюной и брюхо заворчало.

— Ты, верно, тот самый парень из Мидден-Морадда, что должен был прибыть утром? — любопытствовал рыжий, подтолкнув Ариеса вперед.

Несколько десятков лестниц освещались вечногорящими факелами, какие обычно использовались в сакральных местах и святилищах Новых Богов. Возле них рыжий замедлил шаг, оцарапал ладонь о специальное острие и брызнул несколько капель крови на ступеньки. Одна из лестниц осветилась мягким синеватым светом, и Привратник подтолкнул оробевшего Ариеса к ней.

— Интересный выбор. Кажется, тебя направляют в отдел, где живут старшекурсники. Ну да Святому Говарду виднее, я думаю. Тебя как звать, сынок?

— Ариес Кирован, — сказал Ариес, неловко прибирая полу плаща, чтобы не сбить деревянные украшения на перильцах. — Я по направлению из средней школы. Простите за опоздание, мастер Привратник, из-за изменений погоды пришлось добираться на пароме через Флегетон, а потом пешком сюда через рошу дзюбокко.

— Бренн Эйле, — привратник одарил Ариеса добродушной усмешкой, положил на плечо рыже-белую пятерню, — я присматриваю за этим прибежищем сумасшедших. Если будут какие-то вопросы или проблемы, можешь обращаться. Но только если проблемы касаются жилищных условий или времени отсутствия в Обители. Все остальное придется решать самому.

Они поднялись по скрипучей винтовой лесенке почти на самый верх башни, к большой двери из мореного дуба, в которую было вмуровано такое же медное кольцо, как на входной калитке. Эйле стукнул в дверь кольцом, и почти сразу она отворилась. Ариес с любопытством и удивлением оглядел небольшую, но уютную почти круглую комнатку, единственным обитателем которой до их с Эйле вторжения был высокий, тонкий, как хлыст, парень с золотисто-черными татуировками на теле, видневшимися под расстегнутой рубашкой. При виде пришельцев он слегка приподнял брови и откинул с лица кудрявую челку. В левом ухе сверкнуло золотое колечко.

— Что, мастер Эйле, привели мне ужин?

Ариес невольно отступил, заметив удлиненные клыки и узкие зрачки на удивление красивых, чуть раскосых глаз. Перевертыш! Не то чтобы он боялся, просто не лез на рожон. За такими присмотр нужен, никогда не знаешь, какая из их половин

одержит верх.

— Спокойно, котенок, — обитатель комнаты ухмыльнулся, — уж и пошутить нельзя.

— Не пугай мальчика, он и так натерпелся, — проворчал Эйле, делая шаг в комнату и протягивая руки к жарко пылающему камину. — Плыть с Паромщиком через Флегетон, а потом чесать через Поле Крови — не жук чихнул.

— Почему так? — нахмурился перевертыш. — Насколько помню, школяров отправляют в защищенных кабинах через монорельсовую сеть, что от старых людишек осталась. Что-то случилось?

Ариес вздохнул и поежился, вспоминая огромную темную фигуру на краю плота.

— Из-за погоды, — сказал он, бочком приблизившись к камину, — по крайней мере, так сказала старшая наставница. Что-то произошло в момент отправления группы передо мной. Я только услышал дикий крик и хлопок. Потом нас оттеснили и сказали, что добираться будет каждый по своему пути. Мне выпал паром.

— Так, ладно, Честер, — голос Эйле звучал все так же мягко и добродушно, но теперь в нем появилось нечто, отчего у Ариеса волосы на загривке поднялись дыбом, — я подселю мальчика к тебе. Сам знаешь, у первокурсников все забито. Расскажешь ему все, покажешь. Достроим новое крыло — переведу его, или тебе дам новую комнату. Уж пару недель как-нибудь потерпишь. А ты, фрей Кирован, не бойся так этого котяру. Он добрее, чем может показаться.

С этими словами Эйле аккуратно просочился в приоткрытую дверь и закрыл ее за собой. Ариес судорожно стиснул свою котомку, словно она могла его защитить от перевертыша. Но тот даже ухом не повел, присел на корточки перед камином и принялся подкладывать дрова.

— Чего стоишь, котенок? — в голосе его звучало обманчивое добродушие. — Занимай любую кровать кроме той, с разноцветным пледом. Устраивайся. Как тебя хоть зовут?

— Ариес Кирован, — ответил Ариес, рискнув, наконец, перевести взгляд с оппонента на кровати, стоявшие полукругом у дальней внешней стены, — а тут можно... можно где-нибудь помыться?

— Да, конечно, — Честер поднялся, отряхнув свои пижамные штаны, — вон слева от тебя дверца в стене. Там душ. Вода сразу идет мыльная и потом уже чистая, так что мыло не понадобится. И сразу закинь свои тряпки и обувь в нишу там слева, утром получишь чистые.

Ариес оставил котомку на постели и потянул за тонкую, едва заметную веревочку,

свисавшую по ходу узора на стене. Дверца открылась сразу, а за ней обнаружилась самая настоящая душевая кабинка, узкая, но чистая. Ариес оглянулся на Честера, который возился с небольшим прямоугольным противнем с высокими стенками. Ладно, была не была! Выскользнув из собственного грязного шмотья, он скатал его в рулон, подобрал ботинки и сунул все это в небольшую нишу по левую руку от входа. Затем забрался в кабинку целиком и закрыл дверцу. Этого оказалось достаточно, чтобы благоухающие горячие струи воды хлынули тут же со всех сторон. Ариес как следует поскреб подмышки и другие труднодоступные для воды места, хорошенько взбил пену, наслаждаясь теплом. Затем его поочередно обдало чистой водой и водой с цветочным ароматом. Ариес еще немного постоял, подняв руки, пока его обдувало со всех сторон теплым сухим воздухом. Так здорово не было даже в общежитии средней школы, которое он успел полюбить за годы учебы. Не говоря уже о доме, о котором он предпочел бы забыть.

На выходе его встретил совершенно чарующий запах, и Ариес не сразу сообразил, что за то время, которое он провел в душе, Честер успел не то приготовить что-то, не то разогреть. Ариес торопливо оделся в лежащую на постели пижаму, которая оказалась ему немного велика, рукава пришлось засучить. Пол был покрыт пушистым мягким ковром, так что ноги не мерзли.

— Держи, — сказал перевертыш, протянув ему длинную хрустящую булку, один край которой был разрезан и начинен кусочками овощей и тонкими полосками белого мяса, — так и быть, поделюсь с тобой своим ужином. Вон на твоём прикроватном столике амбресса, пей только осторожно, с непривычки может и в голову стукнуть. Завтра старина Эйле поставит тебя на довольствие, а пока что есть, половина моего ужина.

— Спасибо, — Ариес немного расслабился и даже улыбнулся уголками рта, — я сегодня так торопился на распределение, что даже позавтракать не успел. Вы очень добры, фрей!

Он старался не есть совсем уж жадно, хотя голова кружилась от одуряющего аромата печева. Аккуратно отщипывал кусочки, отправляя в рот. Амбресса — ароматная смесь сока нескольких разных плодов и перебродившего меда — здесь была гораздо гуще и слаще, чем в средней школе, голову и правда повело. Но наконец-то Ариес окончательно успокоился и согрелся. Укопавшись в одеяло, он доедал ужин, запивая его амбрессой, вслушивался в звуки бури за окном и потрескивание пламени в очаге.

— Неладно там, однако, — задумчиво произнес перевертыш, стоя у своего окна и глядя в сгустившуюся тьму, — глянь, котенок, чего носит ветром.

Доев последний кусочек и всосав крошки, упавшие на одеяло, Ариес повернулся и прильнул к окну. Он сделал это как раз в то мгновение, когда мертвая белая птица с открытым клювом пронеслась так близко от окна, что был виден тусклый

невидящий глаз и рана под крылом. Ее отшвырнуло снова в безумную круговерть урагана, где вспышки молний высвечивали других птиц и нечто гораздо более устрашающее. Ариес поежился, натягивая на себя одеяло, но не в силах оторвать взгляда от того, что скрывалось в разрывах облаков.

— А они... — голос его позорно сорвался, — они сюда не пробьются?

— Нет, котенок, — спокойно ответил Честер, — Обитель находится под защитой. Неужели ты думал, что место, подобное этому, может остаться без охраны?

Ариес вздохнул, глядя на жуткое зрелище за окном. Потом перевел взгляд на свечу, горящую в подсвечнике на его прикроватном столике.

— Честер, — позвал он, надеясь, что перевертыш нормально воспримет его просьбу, — можно оставить свечу на ночь? Как-то... не то без света.

— Конечно, — без тени иронии ответил Честер, снова отходя к камину, чтобы подбросить дров. — Больше тебе скажу, я и свою оставлю гореть. Не дело в такую-то ночь сидеть без света.

Ариес хотел еще о стольком его расспросить, но усталость прошедшего дня навалилась горой, буквально вмяв в уютную и теплую постель. Глаза закрылись сами. И снова голос из сна позвал его за собой сквозь цветочный сад и реку потерянных душ, в странный и чуждый мир ярко освещенных городов, толп безмозглых существ, по недоразумению считающих себя людьми, и привязанности к одному-единственному человеку, горевшему, словно факел во тьме, призывающему его...

2. Хикару Асано. Детки в клетке. Битва в воздухе. Подарок Паромщика

Его разбудило прикосновение, и Ариес вздрогнул, увидев перед собой горящие в сумраке глаза перевертыша.

— Что случилось? — выдохнул он, пытаясь скрыть испуг.

— Пока не знаю, котенок, — прошептал Честер, бросая взгляд на окно. — Возможно, это приманка и вообще испытание, но... сам смотри!

Ариес сел на постели, протирая глаза. Он не успел даже повернуться к окну, как кто-то задолбил в дверь медным кольцом с такой силой, что Ариес подпрыгнул от неожиданности. Перевертыш что-то коротко, зло мяукнул, и дверь отворилась, пропустив в комнату высокого темноволосого парня, чье лицо было одновременно красиво и устрашающе.

— Вы видели? — бросил он с режущим ухо акцентом, так, что слово «видели» у него прозвучало как «видери».

— Если ты про это, то да, — сказал Честер, указывая подбородком на окно. И Ариес, наконец, тоже уставился в нужном направлении. По телу его прошел мороз, и от ужаса онемение охватило затылок при виде сорванной кабины монорельса, которым обычно переправлялись на места обучения младшекласники.

— Там дети, — пробормотал он, с огромным трудом стряхивая оцепенение, — Святой Лавкрафт, там же дети!

Темноволосый парень откинул с лица копну блестящих волос и уставился на Ариеса ярко-голубыми прозрачными глазами, странными на этом прекрасном, но, несомненно, азиатском лице.

— Новенький? — резко произнес он, наклонив голову набок.

Ариес сглотнул, но, собравшись с духом, отрекомендовался. Темноволосый кивнул.

— Хикару Асано, — сказал он, отвесив легкий поклон всем корпусом. — Так что, Ариес Кирован, ты с нами?

Ариес хотел было спросить куда, но не спросил. Вместо этого обнаружил, что натягивает домашние мокасины на босые ноги. А потом уже он был вместе с парнями на темной лестнице и понятия не имел, во что вляпался. Они мчались один за другим вниз и по темному коридору, который выглядел совсем иначе, чем тот, по которому они пришли сюда. Этот коридор напоминал темные переходы рабочего дома для человеческих простецов, в котором когда-то состоял на службе отец. По спине Ариеса потек холодный пот. Он стиснул зубы, стараясь не отставать от перевертыша и Асано. Коридор сменился обширным залом, в котором пол был покрыт начертаниями Языка Богов, а в центре восьмиконечной звезды стояла фигурка Великой Матери. Ариес невольно вздрогнул, глядя, как Честер прокусывает собственную руку и ловким движением брызжет кровью на статуэтку. От запаха благовоний, от пения молитв и от облика статуэтки стало нехорошо, и Ариес не мог бы сказать, в чем дело. Но капли крови Честера, стекающие по облачению Матери, вызывали приливы тошноты и нервной дрожи. Котяра выпрямился.

— Прими жертву, Матушка, — его низкий мурлыкающий голос отдался во всех уголках зала, — и помоги нам защитить твоих детей.

Словно во сне Ариес следовал за ними, и скоро все трое очутились на большой веранде, больше напоминающей посадочную площадку. Отсюда открывался совершенно умопомрачительный вид на бушующий ураган — и в центре его бархталась вагонетка, облепленная чем-то темным и белым вперемешку.

— Эй, Кирован, проснись! — резко произнес Асано, собирая в пучок на затылке свои длинные волосы. — Нам понадобятся все наши силы!

— Что мне делать? — в панике выдохнул Ариес.

— Видишь челнок там, за краем? — Честер кивнул на болтающуюся за перилами белоснежную, хрупкую на вид лодку на цветочной тяге, явно фейское суденышко. — Садись и гребь к вагону. Мы с Хикару пока разберемся с Безмозглыми. Твоя задача — забрать оттуда всех, кто выжил, если такие остались. Щит поставить сможешь?

— Смогу, — кивнул Ариес, усилием воли беря себя в руки, — в средней школе я был лучшим в защитной магии. Мне потому и дали направление в УСЛ.

— Вот и отлично. Дальше по ходу разберешься. — Перевертыш подпрыгнул, взмыл в воздух и устремился следом за Асано, который уже мчался к вагонетке.

Мириады бабочек влетали и вылетали из подобия дюз, установленных за кормой лодки. Ариес судорожно стиснул зубы, его колотило от страха при виде угольно-черной воронки, в центре которой кувыркалась злополучная вагонетка. Но при мысли о том, что там, внутри, кто-то живой, а особенно детеныши, он до крови прикусил губу, постарался сосредоточиться, мысленно удерживая защиту, и направил лодку в самое око урагана. Будь дело в спокойную погоду, вряд ли ему удалось бы удерживать щит так долго и прочно, но его кормил шторм, заполняя чистой природной энергией.

Асано и Честер были уже возле вагонетки. Каждое движение их сопровождалось вспышками лилового и черного света, и это было так устрашающе, что Ариес едва заставил себя продолжать путь. Лодка двигалась не очень быстро, потому когда он подогнал ее к вагонетке, борясь с сумасшедшими порывами ветра, грозящими сдуть его вниз, то обнаружил, что оба старших уже почти расправились с существами, облепившими ее. То были зубастые черные и белые твари, напоминавшие летучих мышей и прожигавшие кислотой даже прочный освященный металл, покрытый знаками магической защиты. Ариес в изумлении помотал головой, но медлить не стал. Одно из окон было выбито, и он подогнал лодку почти вплотную к нему.

— Эй, кто там внутри! — окликнул он, с трудом удерживая свое суденышко при помощи тех нехитрых магических манипуляций, которые успел усвоить в начальной и средней школе. — Вылезайте, не бойтесь!

В поле зрения появилась абсолютно черная мордочка, и Ариес от неожиданности едва не сбил внутренний настрой, позволявший удерживать защитную оболочку вокруг лодки. Но для паники здесь не было причин, это оказался всего-навсего чернокожий детеныш лет десяти, чьи плечи были покрыты шрамами, складывающимися в священные руны Дамбаллы. Следом за ним из

немилосердно трясущейся вагонетки выползли еще два десятка детенышей разного возраста, пола, видовой принадлежности и комплекции. Последним выбрался парень, на вид ровесник Ариеса, мускулистый, худощавый, с пронзительным взглядом огромных серо-стальных глаз и копной пепельных, почти белых волос, спадающих нечесаными лохмами на крепкие плечи. Ариес протянул руку, но парень ее проигнорировал, устроился на самом краешке, обняв перепуганных детенышей и тихо напевая странную монотонную мелодию, от которой по сердцу пробежала волна покоя.

— Кто-нибудь остался? — спросил его Ариес. Парень на секунду завис, словно осмысляя вопрос, затем отрицательно мотнул головой. С облегченным выдохом Ариес отшвартовался от вагонетки и принялся разворачивать лодку носом в направлении Убежища. Его работа почти была завершена, когда массивная темная тень метнулась к ним из-за облачного темного полога и с такой силой ударилась о защитную оболочку, что Ариеса шмякнуло о надстройку на носу лодки. Ментальный удар оказался еще сильнее. Мир распался на тысячу осколков, и осколки эти кружили, словно в каком-то гигантском калейдоскопе. Ариес попытался собрать их в одно целое, и это ему даже удалось. Хотя воздух стал вдруг вязким и непригодным для дыхания, он продолжил удерживать оболочку защиты вокруг лодки, а гигантская тварь, похожая на помесь летучей мыши с шестирукой обезьяной, долбилась в нее, пытаясь добраться до перепуганных детенышей.

Их старший поднялся, вздев руки. Его голос, низкий, наполненный силой и гневом, преобразовался в белый огонь. Руки рисовали этим огнем неизвестные Ариесу сложные сочетания рун. Какие-то из них ложились, вспыхивая синеватым пламенем и сливаясь с оболочкой Ариеса, другие складывались в странного вида световую сетку. Затем в голове зазвучал четкий, спокойный приказ снять защиту на мгновение. Ариес подчинился, даже не попытавшись задуматься о том, что приказ отдает чужак. Сеть, сотканная из рун, пылающих белым пламенем, обняла тварь почти нежно. Нестерпимый визг заполнил, казалось, всю Вечность. Потом огонь погас, и остатки белесого пепла разметало порывами ветра. Старший группы повернулся к Ариесу. Губы его не шевелились, но от него исходило нечто, заставившее Ариеса подняться, даже невзирая на явное сотрясение мозга и пару сломанных ребер. Чувство безотчетного счастья и покоя охватило его, придало ему сил и отваги. Он ухватился за руль, пытаясь вывести лодку из безумного вращения — куда угодно, только бы не оставаться в урагане. Тушки мертвых белых птиц и зубастая тварь, предводительствующая этой жуткой стае, металась вокруг, пытаясь пробиться в защитный кокон, потом и их унесло порывами ветра. Ариес на мгновение обернулся, глядя на своих пассажиров. Перепуганные детишки сбились в кучу вокруг своего старшего. А тот читал заклинания, рисуя странные фигуры и руны, которые ложились в защитную сферу, вписываясь в нее, усиливая. Ариес снова сосредоточился на управлении. Почему-то сейчас, в моменты наивысшего напряжения, он снова погрузился в воспоминания о том, чего не было. И снова не было Ариеса Кирована, но был кто-то совсем другой, яркий, живой, влюбленный и смеющийся. И это радостное, прекрасное существо

запело, разрывая морок, разнося в клочья тьму, окутавшую мир...

Болело, кажется, все. Даже, хотя Ариес и не совсем был в этом уверен, волосы и воздух вокруг тела. Он застонал и попытался сесть, но сумел только чуть повернуть голову вбок. В поле зрения появился ворох тряпья и торчащая из-под него обмотанная тряпьем ступня скелета. Содрогнувшись, он попытался отползти, но на грудь легла уверенная, обжигающая даже через плотную пижамную ткань рука.

— Спокойно, — голос у сероглазого колдуна был хотя и низкий, но по-мальчишески ломкий, режущий ухо акцент выдавал северянина, — не дергайся, не то скатишься в огонь.

Ариес замер, прикрыв глаза. Голова все еще дико кружилась, и во рту стоял металлический привкус. Но он чувствовал вокруг множественное присутствие, свежее и чистое течение детской энергии. И раскаленная, горячее пламени вокруг плота, ладонь на груди обжигала и ускоряла биение сердца, вливая силы.

— Так полегче? — сероглазый едва заметно усмехнулся одним уголком рта.

— Д-да... спасибо, — пробормотал Ариес, не без труда садясь и озираясь вокруг.
— Святой Лавкрафт, это ведь Флегетон!

Высокая, задрапированная в серые лохмотья фигура поодаль чуть повернула голову в капюшоне. Ариес судорожно вцепился в руку сероглазого. Тот успокаивающе коснулся его плеча.

— Что произошло? — вполголоса прошептал Ариес, склонив голову к уху парня.
— Я помню только полет...

— Ты пел, — тихий голос сероглазого отдался грохотом в голове, — пел песню... о жизни, о свободе... старую песню мира людей. Ветер тебя послушался, внял твоей песне. Нас вынесло сюда, и челнок рухнул в пламя. По счастью, Паромщик был недалеко и снял нас с горящей лодки.

— Он... — Ариес сглотнул, избегая смотреть на темную фигуру, от которой веяло мертвым глухим одиночеством и тоской, — он нас спас? Но почему?

Плот медленно приближался к берегу, и ход его не замедлился, когда Паромщик повернул голову в капюшоне. Из непроглядного мрака сверкнули ярко-зеленые глаза.

«Спой еще раз ту песню, что пел, когда твой челн коснулся пламенеющих вод!»

Мощный, удивительно низкий голос зазвучал в голове, и Ариес невольно сжал

виски обеими руками. Это был приказ, но одновременно и мольба, от которой заняло сердце. Ариес сморгнул выступившие слезы, стараясь не дрожать от этого мысленного прикосновения, на мгновение передавшего ему всю тоску, одиночество и отчаяние безысходности, которыми сочилась огромная фигура Паромщика.

— Птица в выси, ты поймешь меня, — прошептал он первую строчку, задыхаясь от чужой боли, — Солнце, свети и поймешь меня...

Он пел, корчась в чужой вечной агонии, истекая слезами и кровью, пока край плота не ударился о берег. Дети побежали мимо него, спрыгивая на каменистую землю, их старший остался, привстав на одно колено, чтобы помочь Ариесу.

Что-то сверкнуло в протянутой руке Паромщика, в обмотанных грязным тряпьем голых костях рук. На колени Ариесу упала маленькая золотая монетка. Он подобрал ее, сжав мокрыми от пота пальцами, не понимая еще, что происходит. Голос Паромщика снова зазвучал в его голове:

«Давно уже не испытывал я такого покоя. Слаще глотка чистой воды, светлее лучей давно забытого Солнца была твоя песня. Будь благословен, дитя людское. Храни монету, не отдавай ее, не теряй и не дари. Придет час, когда она понадобится тебе. Ибо путь, что уже проложен, не может быть уничтожен...»

Голос в голове смолк. Сердце билось с перебоями, и сам Ариес вряд ли смог бы подняться. Но на помощь пришел сероглазый. Закинув руку Ариеса себе на шею, молодой колдун снес его на себе с плота и уложил на каменистую землю. В волнах пламени паром стал быстро удаляться.

3. Университетская библиотека. Помощники для Эйле

По возвращении в Обитель дети были тут же переданы женщинам из Белого Сестринства, а студенты отправились в общежитие. Асано и Честер выглядели по уши довольными своим приключением, хотя их тела густо покрывали царапины и кровоподтеки. Северянин и висевший на нем Ариес отчасти разделяли это чувство глубокого удовлетворения. Врожденная эмпатия Кированов позволяла Ариесу чувствовать если не оттенки, то общую составляющую эмоционального поля тех, кто находился рядом с ним.

Эйле уже ждал их, и вид его не предвещал ничего хорошего для трех разгильдяев, осмелившихся покинуть Обитель без позволения привратника, да еще в ураган. Впрочем, при виде четвертого члена группы складка между его бровями слегка разгладилась.

— Все четверо, ступайте за мной, — велел он, чуть помедлив, — не отставайте.

Последнее предупреждение касалось едва державшегося на ногах Ариеса и

волочившего его на себе сероглазого колдуна. Впрочем, под другую руку Ариеса тут же подлез Честер, и стало полегче. Путь по душным, темным извивам коридоров и освещенных свечами залов для поклонения длился довольно долго, сам Ариес его бы просто не осилил, голова кружилась, и нещадно болели сломанные ребра.

Наконец, они оказались в довольно уютной библиотеке, окна которой были витражными и изумительно играли в свете многочисленных «вечных» свечей, пылавших повсюду. Полки с книгами располагались по всем пяти стенам. В дальнем углу стояло странное устройство, назначения которого Ариес не мог понять, как ни старался. Оно выглядело как круглый темный выпуклый экран, впаянный в семиугольник из черного дерева, покрытый рунами и оккультными значками.

— Кладите фрея Кирована сюда, — велел Эйле, кивнув на выдавшую виды полосатую кушетку на кривых ножках, стоявшую возле одной из полок, — сами садитесь на пол, подушки для сидения берите, какие найдутся.

Он подбросил дров в огромный камин, от которого исходили волны тепла, и устроился в кресле, одним взмахом руки переставив его поближе к юным раздолбаям. Ариес представлял себе, о чем он думает, глядя на их безалаберные физиономии, и внезапно чувствовал нечто, чего никогда не было раньше. Он не взялся бы объяснить даже самому себе природу этого чувства.

Сероглазый колдун сидел рядом, прислонившись спиной к кушетке. При виде его точеного профиля Ариес почувствовал успокоение. Честер и Асано, посмеиваясь и перешучиваясь вполголоса, устроились так, чтобы быть на виду у Эйле.

— Ну-ну, — Привратник с усмешкой обвел взглядом всю честную компанию, — раньше вы вдвоем давали жару Обители и мне, горемычному. А сейчас решили сбить с пути мальчишку, который всего-то пару часов как зачислен.

Он перевел взгляд на сероглазого, который невозмутимо сплетал в сложную косу свои длинные волосы.

— Если не ошибаюсь, ты сын Дмитрия Распутина из Сибирской Цитадели Тобольска. Лицо уж больно приметное у тебя, юноша, и глаза совсем как у твоего отца. Как тебя зовут?

— Григорий, — сероглазый подобрал под себя ноги, настороженно глядя на Эйле, — вы знаете отца?

— Учились вместе, — безмятежно усмехнулся Эйле. — Значит, ты был с детишками в западне?

Григорий кивнул.

— Группа молодняка со способностями, — сказал он, чуть помедлив, — мы направлялись в Высокую Школу, что на Эрине. Сестры о них позаботятся, я надеюсь.

— Вне всяких сомнений, — ответил Эйле, набивая трубку табаком с золотистыми крупинками. — Детишки в полной безопасности. И, как бы я ни ворчал на вас, молодые люди, благодаря вам.

Он с минуту раскуривал трубку, затем выпустил в прогретый воздух несколько клубов ароматного дыма. Ариес не без труда перевернулся на бок. Так было удобнее смотреть на него... и на остальных. Очень хотелось спать, но он до боли прикусил губу.

— Тем не менее я не могу оставить без наказания совершенный вами поступок. — Эйле вздохнул и сделал еще затяжку, выпустив новую порцию дыма из ноздрей. — И вы будете подвергнуты ему все трое.

— Опять по десять ударов? — деловито осведомился Честер.

— Повторное отступление от правил Обителя стоит большей кары, чем десять ударов палкой по твоей тощей заднице, бессовестный ты котяра, — хмыкнул Эйле. — Для вас двоих в особенности. Фрей Кирован впервые нарушает их, к тому же состояние его здоровья пока весьма шаткое, потому ему объявляется просто выговор. А вы двое еще те нарушители спокойствия. Вы хотя бы понимаете, что ваш поступок нарушил, пусть и на короткое время, целостность магической защиты Обителя?

Асано выглядел все таким же бесстрастным, но Честер заметно помрачнел.

— Мы... просим прощения, мастер Эйле, — сказал он, на мгновение прикрыв глаза, — мы все. Но как было оставаться в безопасности, когда беспомощные котята погибали на наших глазах? Ведь еще немного, и они бы стали пищей для тварей.

— Поэтому вы здесь, — мягко произнес Эйле, выпуская к потолку еще пару клубов дыма и откидываясь на спинку своего кресла, — а не в Чистилице. И здесь вы проведете сегодняшнюю ночь, а также последующие двое суток. Мне давно уже была нужна помощь в каталогизации нового сегмента библиотеки, и вы очень кстати снова взялись нарушать правила.

— О не-е-ет! — хором взвыли Асано и Честер в совершенно неподдельном ужасе.

— О да! — с самым коварным видом ухмыльнулся во весь рот Бренн Эйле. — А вы, молодые люди, тоже останетесь. Тебя, фрей Григорий, мне нужно о многом расспросить. С твоим батюшкой мы хорошо ладили в свое время, и я буду рад

услышать о нем хоть какие-то новости. А ты, фрей Кирован, не очень в хорошем состоянии, а лазарет сейчас на ремонте, поэтому пока побудешь под моим присмотром. А теперь обедать и работать!

Ариес вытаращил глаза от изумления. В ноздри ударил аромат изысканной пищи. На низеньких столиках прямо в центре образованного ими полукруга появились блюда с жареными цыплятами, тушеными овощами и зеленью, а также высокий узкогорлый кувшин, источавший божественный аромат амбрессы. Переглянувшись, перевертыш и его старинный товарищ по нарушению порядка накинулись на еду. Чуть помедлив, к ним присоединился Григорий. Ариес сполз с кушетки и устроился, опираясь о нее спиной.

Эйле протянул ему стакан амбрессы, предварительно сотворив на ладони небольшую, не больше щепоти, горку пепла и смешав его с напитком.

— Возьми, мой мальчик, выпей все до капли. Это поможет правильно срастись твоим сломанным ребрам и поправит тебе голову.

Ариес поблагодарил и сделал небольшой глоток. Все-таки амбресса здесь была изумительно вкусной. Совсем некстати вспомнился дом и мачеха, швырявшая ему, как собаке, объедки свои и сводного брата. В том доме даже глоток воды ему давали с напоминанием, что он обязан по гроб жизни служить матушке и брату. И кормили впроголодь, не говоря уже об амбрессе, от которой ему доставались в качестве великой награды и благодеяния спивки, оставшиеся после гостей.

Поспешно отогнав тягостные воспоминания, Ариес принялся за жареного цыпленка. В конце концов, здесь он впервые за долгие годы чувствовал себя на своем месте. Пусть даже его жизнь в качестве студента Университета Святого Лавкрафта только началась, и началась с нарушения правила.

Потом они смеялись и болтали обо всем на свете. Причем северянин Григорий вступил в беседу наравне с остальными, хотя и со своим душераздирающим акцентом. Впрочем, очень скоро Ариес перестал замечать этот акцент. Положа руку на сердце, он бы мог сказать, что никогда в своей жизни не чувствовал себя так великолепно, даже несмотря на боль и слабость.

Новый сегмент библиотеки состоял из гигантского скрытого пространства, созданного с помощью высшей магии. Ариес читал о таком в книгах, но сам никогда не видел, потому с любопытством и жадностью разглядывал бесконечные ряды полок, уставленных манускриптами, свитками из кожи и промасленной ткани, каменными страницами древнейших порталов и кристаллами памяти. Асано и Честер ворчали, но дело свое делали, для начала помечая примерный объем работ на определенное время и распределяя носители информации по принадлежности: книги в одну стопку, порталы в другую, свитки и кристаллы отдельно. Здесь им на помощь неожиданно пришел Григорий, которому магия

перемещения и разделения давалась легко. Мановением рук он снимал с самых верхних полок их содержимое и бережно опускал на пол.

— Эй, котенок, — Честер удивленно приподнял брови, глядя, как Ариес перебирает страницы книги по природной магии, — а тебе не рановато такое?

— Да нет, — Ариес покачал головой, с сожалением откладывая книгу, — я читал похожие в школьной библиотеке. Всегда любил помогать Мастеру Книжнику, а он за это позволял мне сидеть подольше и читать книги из закрытых разделов.

— Слушай, тогда, может, будешь перебирать и распределять носители по уровню магии? — Асано бросил на него пронзительно-синий взгляд из-под темной челки.
— Это бы нам здорово ускорило дело. Сумеешь?

— С удовольствием! — искренне ответил Ариес, бросая исполненный глубочайшей нежности и обожания взгляд на разложенные по полу книжные тома.

Дальше пошло как по маслу. Григорий снимал носители с верхних полок, куда добраться парни могли, только затратив порядком сил на полет. Асано и Честер распределяли по принадлежности. А Ариес уже сортировал по сложности — от учебников для начинающих магов и до древних чудовищных гримуаров, даже прикосновение к которым без надлежащего уважения и защиты могло проклясть мага и его род до сотого колена. Попутно он делал выписки и перечитывал фрагменты, описывающие простые манипуляции.

— Ты прирожденный маг-механик, — задумчиво сказал Григорий, когда они, порядком устав, выбрались в центральное помещение библиотеки и сели отдохнуть за кружкой амбрессы и сладостями.

— Это как? — заинтересовался Ариес, нарезая ароматный кекс с цветочной пыльцой на ломтики.

— Ну, у тебя хорошая память, и ты легко выучиваешь новые заклинания. Теперь понятно, почему тебя сюда так рано перевели. Тебе сколько лет?

— Шестнадцать... почти... — помедлив, признался Ариес, — должно исполниться в седьмой день после весеннего равноденствия. Ну... наверное, ты прав. Я действительно запоминаю очень легко, достаточно раз увидеть написанное, потом могу вызывать в памяти нужную страницу и читать заклинание прямо с нее.

— Ого, — заметил Честер, прихлебывая амбрессу, — это редкий дар. Я о таком только слышал, но не видел никогда никого, ни людей, ни волшей, кто бы так умел.

— Можно спросить? — Ариес неуверенно улыбнулся, глядя на него.

— Валяй, — кивнул перевертыш, движением руки снова наполняя свою кружку.

— Вы с Хикару... вы ведь волши?

— Полукровки, — ответил Асано, улыбнувшись своей едва заметной улыбкой, — у Честера мать — нэкомата, Чеш, как это на вашем языке?

— Кэт Ши, — булькнул Честер, опрокидывая в свою ненасытную утробу еще одну кружку напитка.

— Кэт Ши, — послушно повторил Асано, — вот, и отец человеческой крови... а у меня отец — екай, а мать — человек.

— Так это ты пел «Кимигайо»? — наконец решился спросить Ариес.

— А ты узнал старый гимн Ямато? — в голосе Асано слышалось удивление и какая-то даже теплота.

— Да, я слышал его на звуковых кристаллах, — кивнул Ариес. — Очень красивый. Жаль, мало что сохранилось о мире твоего отца. Но то, что сохранилось, вызывает огромный интерес.

— А что тебе попадалось? — любопытно спросил Честер.

— Немного записанных на бумаге историй, легенд, кристалл со звуковыми записями, в том числе гимном страны, и каталог волшей... екаев и других. Неполный, само собой, но даже то, что сохранилось, я люблю возвращать в памяти. Жаль, что этого слишком мало.

— Я помню немного больше, — ухмыльнулся Асано, впервые за время знакомства и взаимодействия заметно расслабившись, — отец рассказывал. После смерти мамы он забрал меня в Город Духов, и я воспитывался с другими детенышами-екаями. Само собой, нас учили старой истории Ямато, ведь люди и екаи жили бок о бок веками и учились друг у друга. Хотя время от времени были и падения, когда они воевали.

— А ты мог бы... ну, хоть иногда записывать на кристаллы свои знания? — оживился Ариес. — Это было бы замечательно! Я не имею в виду секреты и тайны твоего племени, но хотя бы то, что сохранилось от погибшей Ямато. А кристаллы я как-нибудь раздобуду.

— Почему бы нет, — кивнул Асано, опустошая свою чашку с рисом и кусочками сырого мяса. Палочками для еды он орудовал с непостижимой скоростью.

— Что ты все о нас спрашиваешь, — вальяжно растекся по подушкам Честер, — о себе расскажи лучше. Ты чистокровка?

— Скорее из семьи колдунов, — подал голос Григорий, слегка принохиваясь. — Верно?

Ариес смущенно кивнул. Три пары глаз с любопытством уставились на него.

— Ну, Григорий прав, — сказал он, чуть помедлив и смочив пересохшую от волнения глотку амбрессой, — я, правда, из очень старинной семьи, которая еще до Новых Времен занималась магией. Наш предок Джон Кирован женился на женщине колдовской крови, чье имя затерялось. У них родились близнецы Дейрдре и Джозеф. Мы ведем свой род от Джозефа, и в семье Кирован рождаются исключительно близнецы. Я единственный из рода, рожденный одиноким. Потому отец мой был отторгнут от семьи, хотя и сохранил фамилию. Маму я не знал, она умерла сразу после моего рождения, а после папиной смерти жил вначале дома, а потом, раньше на год, чем следовало, сбежал в начальную школу. Там одним из мастеров-наставников был папин старинный друг, он помог мне поначалу. А дальше все как у всех. Мне в обеих школах нравилось, но здесь нравится больше всего. Хотя, конечно, не думал, что будет так...

Он вздохнул и перевел взгляд с собственных рук на Распутина, который внимательно слушал, кажется, позабыв про свою тарелку, из которой Честер уже успел умыкнуть под шумок половину печенья.

— А ты? Теперь твоя очередь о себе рассказать.

Северянин мягким движением огладил свои светлые волосы, заплетенные в толстую многослойную косу. Вид у него был слегка сумасшедший.

— Я тоже из довольно старой семьи. Наш предок был очень могущественным колдуном, и его дар передан его непризнанному сыну, который родился от знатной женщины. Бежав в другую страну после его гибели, она назвалась другим именем и взяла его фамилию. Она, говорят, была ведьма очень высокого уровня посвящения. Мой род происходит от ее сына Григория, названного в честь отца. Я тоже ношу его имя, хотя дома меня в основном называли сокращенным вариантом «Гришка» или «Гриш». Оно мне как-то привычнее, так что зовите просто Гриш. В начальной школе было немного сложновато, потому что мне давалась только магия разрушения, да еще немного лечить умел, но это у нас семейный дар, в той или иной степени он есть у всех Распутиных. В средней школе уже на лад пошло, брат старший вернулся из похода во льды и взялся за меня, научил меня защите и... и кое-чему еще сверх программы. Так что я здорово подтянулся. Единственное — точные науки мне никак не давались, да и сейчас не особо даются. А все остальное было отлично, особенно защита и «свет сердца». Я поэтому по приказу наставника сопровождал детенышей, как старший, — в его голосе слышались нотки гордости. — Я успокоить могу любого, просто окутав «светом сердца», хотя еще не зачислен ни в один университет.

— Считай, что уже зачислен, — услышался знакомый голос, и в библиотечную

залу широким шагом вошел Бренн Эйле, помахивая собственным узорчатым шарфом, — и поставлен на довольствие. Я связался с директором средней школы в Тобольске и поговорил с ним о молодом Григории Распутине, рассказал о событиях прошлой ночи и утра. Директор был впечатлен моим рассказом, я бы сказал — весьма впечатлен. Защита детенышей и участие в их спасении засчитаны тебе в качестве выпускного экзамена средней школы. А заодно вступительного в высшее заведение. Так что ты принят в Университет Святого Лавкрафта как ученик первого курса, мой мальчик. Правда, вам с Кированом придется порядком наверстывать, учебный год уже начался. Ну да, думаю, эти двое вас поднатаскают. И только попробуйте мне отказаться!

Спустя мгновение все четверо молодых студентов, включая дико смущенного собственной храбростью Ариеса, уже висели на мощной шее Мастера Привратника. Стекла витражей звенели от радостных воплей, поздравлений и смеха. Эйле ухмылялся так, что на его толстых щеках появились обаятельные ямочки, и гладил все четыре растрепанные дурные башки.

— Так, ладно, — твердость в его голосе не оставляла никаких шансов на пощаду, — отдых закончен, шагом марш работать!

Хихикая и перешучиваясь, все четверо студентов, как «старички», так и свежезачисленные, отправились в тайный сегмент, прихватив с собой выпивку и печенье.

4. Первые уроки и первые преподаватели

Благодаря слаженной и четкой работе приговоренной четверки выделенная им часть скрытого сегмента оказалась рассортирована и занесена в каталоги даже раньше указанного срока. За такое рвение Эйле выписал им пропуска в городок, расположенный к Югу от университетского комплекса. Порядком озадаченные Ариес и Гришка никак понять не могли, чему так бурно радуются Честер и Асано. Угомонившись и спрятав радость за сощуренными прозрачными глазами, перевертыш намекнул на весьма интересные перспективы пребывания в городе, после чего прочно заткнулся и на все вопросы делал вид, что он серьезный кот и никакие безумия даже близко видеть не желает. Чуть поотстав от «старичков», новые студенты переглянулись.

— Знаешь, я думаю, он имел в виду что-то вроде этого, — сказал северянин, кивнув на двух милостивых ведьмочек, спешивших к огромному сияющему комплексу Университета. Ариес задумчиво проводил девушек взглядом и потер складку над переносицей.

— Наверное, там есть и другие интересные вещи кроме девчонок, — сказал он, со смущением разглядывая собственные руки. — Ты вообще бывал когда-нибудь в городах?

— Я вырос в Тобольске, — напомнил Распутин, пытаясь почесать лопатку о попавшуюся каменную колонну. — Он не то чтобы большой город, был когда-то большим, но после Изменения сильно уменьшился. А ты разве никогда не был в городах?

— Не приходилось, — покачал головой Ариес, — я вырос в поселке, где до школы ближней было девять лиг через лес. И меня чуть не сожрали лесные твари, когда я удрал из дома. Мне и школа тогда показалась за десяток городов. А так чтобы настоящий город, нет, не доводилось видеть.

— Ну, вот посмотришь, — уверенно сказал Гришка, перехватив поудобнее учебники, выданные Эйле, — а пока на урок надо. У нас же начало через десять минут!

Переглянувшись, они припустили рысью по дорожке, на которой уже приходилось оббегать других учеников, а иногда и преподавателей. И очередная попытка обойти группку старшекурсников закончилась столкновением. Ариес, шедший чуть впереди, едва не сбил с ног первокурсницу в форменном красном жилете, решившую перейти поближе к внутренней стороне скругленной дорожки.

— Полегче, увалень, — девушка отшатнулась, едва успев ухватиться за мраморную колонну, — глаза ты, что ли, потерял?

Она была высокая, ростом почти с Честера, тоненькая и изящная. Ни дать ни взять эбеновая статуэтка. Ярко-желтые миндалевидные глаза смотрели с угольно-черного лица, и Ариес не сразу заметил тоненькие полоски змеиной чешуи, стекающие от висков к подбородку и ото лба по переносице почти до кончика носа.

— Прости, сестра, — кротко ответил Григорий, оттеснив Ариеса, — эта неловкость из-за нашей спешки. Урок сейчас начнется, вот мы и торопились.

— Ладно, не убили — и то хорошо, — желтоглазая смерила обоих парней оценивающим взглядом, уже более спокойным. — Тоже первокурсники? В какой аудитории урок?

— Третья, в Слоновой Башне, — подал голос Ариес, — это вон та, с серой крышей и горгульями по всему фронту.

Затрубили первый раз. Девушка неожиданно шлепнула их по плечам:

— Ну, чего стоите? Опоздаем же!

Они мчались бок о бок и влетели в аудиторию предпоследними, успев занять свободные места возле колонны, украшенной орнаментом «слоновый глаз». За ними проскользнули еще двое припоздавших учеников. Двери закрылись и

слились со стеной.

— Я Хомбекансини, можно просто Син, — прошептала девушка, наклонившись к Ариесу. — А вас как звать?

Ариес представился тоже шепотом и назвал Григория. Несмотря на его напряженные отношения с женщинами, знакомство казалось ему перспективным, девушка явно была африканкой, а с африканцами Ариеса судьба еще не сталкивала за исключением того мальчонки, которого он спас с оторванной вагонетки.

— Пару дней назад я видел одного из твоих соплеменников, — тихо сказал он, пытаясь высмотреть хоть кого-то, похожего на преподавателя, — мальчика лет десяти.

— Кито, — Гришка неожиданно улыбнулся, — один из лучших детенышей группы. Дитя Дамбаллы, очень сильный знахарь.

— Вы знаете Кито? — девушка даже вздрогнула, вперив в них горящий взгляд змеиных глаз.

Григорий вполголоса коротко рассказал ей о событиях двухдневной давности. Ариес оглянуться не успел, как оказался крепко схвачен и прижат к вполне себе аппетитной девичьей груди. С другой стороны барахтался обалдевший Гришка. Кровь в лицо бросилась обоим от смущения, и они не сразу поняли, что девушка говорит о спасенном пареньке.

— Так это вы были! Вы спасли моего мфовету!

Она расцеловала их и выпустила, явно довольная произведенным эффектом.

— Кито — мой младший, — пояснила она уже на общем, — сын мамы от ее последнего мужа. Мы очень привязаны друг к другу. Но я даже не надеялась встретить тех, кто спас моего маленького. Так что и вы теперь абафовету.

Но узнать значение этого слова Ариес не успел. Их прервало самое обыденное действие. У доски с хлопком материализовался преподаватель. Зеленоватый оттенок кожи и обвивающаяся вокруг левой руки лоза выдавали в нем дриоса, духа растения. Озадаченный Ариес сунул нос в свой проспект, где на белой мягкой бумаге проявилось написанное зеленой вязью имя наставника: профессор Эйлиес.

Впрочем, урок оказался очень интересным. Ариес слушал раскрыв рот, стараясь не упустить ни единого слова. Наставник Эйлиес рассказал им о тех источниках, что питали не тела, но дух растений, животных и разумных существ. В древности эти источники называли лэй-линиями, они пролегали повсюду, как под

поверхностью земли, так и на ней, и в воздухе. Места, где эти линии перекрещивались, назывались Перекрестками. Источники силы можно было увидеть вторым зрением, также из них следовало черпать силу для серьезного колдовства, которое могло истощить колдуна и даже убить его.

— Деревья и древесные роци, растущие на перекрестках источников, живут долго и питают мир вокруг, — говорил Эйлиес, иллюстрируя изящными руками в воздухе свой рассказ. Захватывающее было зрелище. Ариес вытянул шею, пытаясь понять ступень применяемой магии.

— Некогда, больше тысячи лет тому назад, в Темные Времена в странах Востока так искали место для строительства Покоев Исцеления. Брели несколько крупных кусков мяса и подвешивали в тех местах, что казались людям подходящими. А затем следили за состоянием мяса. Там, где портилось оно наименее и дольше сохраняло свежий аромат и чистый облик, закладывали Покои Исцеления. Такого было влияние перекрестков на плоть, как мертвую, так и живую.

Затем профессор Эйлиес принялся чертить на доске примерную карту самых известных и неизменных источников местности, где располагались Университет, Обитель и город. Ариесу достаточно было внимательно всмотреться в итоговый чертеж, снабженный пометками и названиями перекрестков. И от него не ускользнуло то, что Григорий, наморщив нос, пытается рисовать и записывать в рабочий блокнот, но выходит у него из рук вон плохо. Он торопился, стараясь дописать все пометки, но делал все больше ошибок и все больше нервничал. Движимый сочувствием, Ариес тронул северянина за плечо.

— Я запомнил, будем в Обители, перерисуешь и перепишешь у меня, — прошептал он, — а пока слушай давай, он снова говорит.

Григорий благодарно сжал его руку и обратился в слух.

— Для серьезной и сложной магии следует черпать энергию в источниках, — говорил Эйлиес, вращая правой рукой над левой и вызывая к жизни небольшой смерчик, — но также с целью экономии энергии можно пользоваться силой источников и для обычного бытового колдовства. Отдача происходит по принципу круговорота водных ресурсов. Иными словами, магия оседает в воздухе каплями энергии, которые впитываются в землю и возвращаются к исходу. Когда-то были темные и глухие времена, когда разумные существа боялись использовать источники по их прямому назначению. По счастью, теперь для этого нет никаких запретов. Некоторые из вас ухитрялись пользоваться силой источников интуитивно. И это глубоко одобряемо как преподавателями, так и Высшим Советом. Движение энергий в природе дает новые возможности и избавляет от застоя.

— То есть если я сделаю так, профессор... — убийственно серьезный голосок с верхнего заднего ряда раздался в тишине, заставив множество голов обернуться.

На сидении, вскочив на него прямо в обуви, стоял встрепанный рыжеволосый мальчишка на вид не старше двенадцати-тринадцати лет. Его одежда явно видала виды и была ему не по размеру, но лицо с правильными чертами, горящие зеленые глаза и белозубая улыбка делали его почти красавцем. Он поднял руки, что-то проделывая, и почти сразу в обеих ладонях закрутилось по смерчику из белоснежных нисходящих потоков, просачивающихся сквозь потолок.

— Я сделаю правильно? — на его щеках появились озорные ямочки.

— Отличная работа, фрей Иванс, — одобрительно улыбнулся Эйлиес, — особенно радует ваша осторожность. Чуть выше защитной оболочки Университета есть еще более мощный источник, но вы предпочли взять энергию из того, что пролегает внутри сферы.

— Да, профессор, — мальчишка мягким движением переплел оба смерчика на ладонях, — я помню о защите.

Ариес смотрел на него во все глаза, изумленный тем, что ребенок уровня начальных классов средней школы способен проделывать подобные фокусы. Хомбекансини подалась вперед, наклонившись к парням.

— Вы чего, — горячо зашептала она, — это же младший из Гламорганов. По нему же видно. Они все выглядят очень молодо.

— Ого, — прошептал Ариес, во все глаза глядя на мальчишку, — а с виду совсем как человек. Да и фамилия другая.

— Так он по отцу и есть человек. У него мать Кейт Гламорган, дочка старого Лпира.

Что тут было сказать! Наверное, во всем мире не было никого, кто не знал бы Гламорганов, семью волшей, что первой протянула руку дружбы человекам. Их история насчитывала тысячелетия, только до Изменения им приходилось скрываться, в том числе в других измерениях, там, откуда пришли остальные волши. А после Изменения, когда дикие волши уничтожали людей просто походя, Гламорганы были первыми, кто принял под свою защиту человек. Эту историю рассказывали в начальной школе, и Ариес ее отлично помнил. Историю о человеческой женщине Диг Гриффит и ее дочерях, которые прибежали к дверям дома Гламорганов в поисках спасения от гнавших за ними волшей. Младший принц дома открыл двери и впустил их, назвав своими гостями. А спустя время женился на Диг Гриффит, а ее подросших дочерей выдал за своих родичей. А патриарх дома Иделл Гламорган держал речь в Высшем Совете и сумел доказать, что человеки достойны еще одного шанса. Постепенно по всему миру перестали уничтожать людские поселения, а некоторые волши без каких-либо проблем и предубеждений принимали в свои дома и семьи человеческих возлюбленных. И это случилось еще до того, как выяснилось, что именно человеческая кровь

способна удерживать равновесие между разными племенами волшей, а также равновесие разных по своей сути магических техник, успешно совмещая их между собой.

Преподаватель воинского искусства, боевой магии и защиты высших уровней вошел через дверь, как обычный человек. Очень высокий, в простецкой одежде, так что поначалу Ариес принял его за рабочего, призванного следить за порядком и целостностью помещений и их содержимого. Глаза великана полыхали синевой, растрепанные темные волосы были как попало прихвачены и связаны в хвост. Его лицо показалось Ариесу изумительно красивым, хотя и выглядело изможденным, как после тяжелой болезни. Ариес поспешно уткнулся в проспект, на очередной странице которого великолепным готическим шрифтом проявилось имя: профессор Ротбарт Фиэр.

— Я слышала, что он из очень старинной семьи, — едва слышно прошептала рыжеволосая хрупкая девушка, сидевшая на уровень выше Ариеса прямо за его спиной. — Боги всевластные, как он прекрасен!

— Сегодняшний урок будет посвящен защитным рунам и способам совмещения нескольких вариантов щитов, — отрывисто произнес профессор Фиэр, окинув курс своим пылающим синевой взором. — И я попрошу выйти сюда фрея Распутина и фрея Кирована.

Ариес бросил на Гришку полный паники взгляд. Почти мгновенно к ним обратились взгляды всего курса: одни удивленные, другие совершенно ошалелые, а некоторые и исполненные самой настоящей зависти. Григорий кое-как поднялся, оправив свою потрепанную одежду и красный жилет. Ариес последовал за ним, от души надеясь, что они с Гришкой не сделали ничего, что могло возмутить или разозлить профессора. Они подошли к доске одновременно.

— Вы все слышали о том, что произошло два дня назад, — преподаватель знаком указал ребятам на место чуть поодаль от себя, — о том, что четверо учеников нашего университета спасли группу детенышей, попавших в ураган. Фрей Кирован и фрей Распутин были двумя из этих четырех.

Изумленный гомон пронесся по рядам первокурсников. Многие даже привстали на местах, чтобы лучше рассмотреть двух нарушителей спокойствия. Ариес прикусил губу, уткнувшись взглядом в носки собственных мокасин.

— Где вы изучали защиту, примененную при спасении детенышей? — в прозрачных серо-голубых глазах преподавателя было искреннее любопытство.

— Я от старшего брата узнал, — Гришка несколько беспокойно поежился, видимо, ему еще не доводилось выступать перед такой аудиторией, — ну и интересно было просто. Не все же уничтожать. Да и я же не с нуля все делал, Кирован начал,

а мне проще было под его щитом, ну а потом я его немножко укрепил.

Ариесу пришлось несколько раз вдохнуть и выдохнуть, как учила наставница Лита из средней школы, чтобы взять себя в руки и успокоиться.

— Я просто люблю читать, — смущенно сказал он, — читал все, что под руку попадалось. Колдовать пытался как умел. У меня со стихиями проще выходит, не надо свою энергию тратить, так что там все больше за меня ураган поработал. Я прикрыл как смог лодку, а там уже Гриш помог. Это заклятие, которое уничтожило чудовище... я даже в книгах не читал про такое.

— Всего лишь «Белое Объятие», — сказал Распутин, бросая быстрый взгляд на преподавателя, — это наше семейное заклинание. Брат научил. Но оно силы забирает, конечно, будь здоров, так что ураган и правда был кстати.

Они, как смогли, рассказали о своем взаимодействии, и профессор Фиэр слушал их очень внимательно. Затем он попросил показать на простеньком примере, как можно сочетать два разных стиля защиты, а когда они справились, поблагодарил и поставил высший балл обоим.

— Здесь и сейчас вы видели наглядную иллюстрацию Закона Чар, — сказал наставник, начертав на доске кусочком мела единицу и прочертив линию, — кто-нибудь из вас может сформулировать Закон Чар?

Потянулось вверх несколько рук. Фиэр внимательно оглядел аудиторию.

— Фрейя де Анджелис, прошу вас, окажите честь, — в его голосе не было и тени насмешки.

Высокая худенькая девушка с некрасивым лицом и неожиданно прекрасными бледно-зелеными глазами поднялась со своего места. Она двигалась неуклюже, но спустя мгновение уже появилась у доски в облачке пурпурных искр.

— Закон Чар гласит: сколько чудесных народов и племен, столько и способов накладывать чары. Но лишь кровь человеков способна объединить любые из них и все вместе. Потому все, в ком течет хотя бы капля людской крови, способны использовать магию любых племен и народов без вреда для себя.

Писклявый голосок утих. Фиэр одобрительно кивнул.

— Именно так, — сказал он, поставив балл и отправив де Анджелис на место, — именно поэтому сработали два диаметрально противоположных типа магии защиты, которые использовали фрей Кирован и фрей Распутин. Человеческая кровь примиряет любые, даже самые агрессивные магические практики, позволяя безопасно объединять их. Далее, кто скажет мне, в чем заключается Закон Намерения?

Григорий поднял руку в числе других. Ариес, помедлив, присоединился. Но Фиэр указал на тонкого хрупкого мальчишку с раскосыми глазами на смуглом лице и копной черных прямых волос, ниспадающих до середины лопаток.

— Прошу вас, фрей Ястреб Рассвета.

— Закон Намерения заключается в том, что истинное Намерение не требует никаких дополнительных заклятий. Оно должно быть полностью оформлено мысленно и требует для проявления лишь умственное усилие, — отбарабанил Ястреб Рассвета без запинки, — хотя в некоторых источниках указывается также необходимость словесного изъяснения.

Урок по трансформации и Силе Разума вел профессор Менса, высокий, одетый в традиционную одежду чернокожий мужчина с чуть раскосыми ярко-желтыми глазами. Полосы чешуи спускались по его вискам и переносице, но нимало не портили его странную и чуждую красоту.

— Профессор Менса — дальний родич матушки, — шепнула Хомбекансини, когда они перебрались в странную аудиторию, где столы были расположены полукругом и находились в одной плоскости, как когда-то в школе.

— Кто из вас знает, что являет собой Сила Разума, откуда она исходит и за что отвечает? — низкий глубокий голос африканца заставил гудящую аудиторию умолкнуть. Несколько рук потянулись вверх, включая руки Син, Ариеса и Гришки. Но указка профессора была направлена на высокого худощавого парня с самым странным лицом в группе. Половина его физиономии была вполне человеческой и даже привлекательной, но другая половина являла собой целиком чешуйчатую часть морды рептилии.

— Фрей Лоран, прошу вас, — мягко произнес наставник, — и да будет ваш голос достаточно силен, чтобы его услышали и задние парты.

Лоран медленным, изящным движением выскользнул из-за стола и прошел к преподавателю.

— Сила Разума — одна из основных Сил существ большей части разумных видов волшей и человеков, — сказал он на удивление низким свистящим голосом. — Она рождается из сознания живых существ и отвечает за творение событийно-личностного плана, а также это базовая сфера любой магии, рождающейся из разума. Шишковидная железа, порождающая эту Силу, находится в центре мозга. В физическом проявлении, описанном в анатомическом атласе Глориана-Пирогова, она представлена как небольшое шишковидное тело серовато-красноватого цвета, располагающееся в области четверохолмия среднего мозга...

Он говорил отчетливым ровным голосом, и у Ариеса почему-то мороз пошел по коже от его холодного располовиненного лица. Григорий словно почувствовал его состояние, под столом сжал его руку в своей, стараясь успокоить.

5. Рассказ Хомбекансини. События в общаге

День двигался к вечеру, когда уроки для первокурсников завершились и их отпустили. Ариес, Гришка и их новая знакомая Хомбекансини шли к общежитию неторопливо, обсуждая полученные знания. Что-то они даже пытались применять на практике, например, обнаружить скрытые источники. Первому это удалось сделать Григорию, он удивленно и радостно вскрикнул, а затем ухватил за руки Ариеса и Син. Ариес невольно вздрогнул, с изумлением ощутив, как сила вливается в усталое тело, как начинают быстрее двигаться мысли и проясняется в глазах.

— Ого, у тебя быстро это выходит, — удивилась Син, с уважением глядя на северянина. — А я так и не смогла нащупать.

— Попробуйте «свет сердца», — сказал Григорий, едва заметно улыбаясь и откидывая свою пепельную косу на спину, — я именно им нащупал подземную линию, сработало как магнит. Она прямо под нами. И я могу как-то быть посредником, передавать вам энергию источника.

Ариесу, как ни странно, удалось это теперь уже со второй попытки, он ухитрился усилить «свет сердца», энергию четвертого Круга, одной из точек силы в теле человека, отвечавших за энергообмен. Ощущение было поразительное, даже лучше, чем когда он пребывал в урагане. Чистое белое пламя струилось сквозь его тело, наполняя силой и радостью. Немного заболела голова, и он, хотя и не сразу, сообразил, что это от перекорма.

Син было куда сложнее. К удивлению обеих парней, она почти не обладала «светом сердца». Потому ей пришлось затратить порядком усилий, чтобы отыскать источник силой Разума.

— У меня и таких, как я, почти не работает этот вид сияния, — сказала она не без огорчения, когда они продолжили путь. — Это кровь имбулу, моих предков. Некоторые из них смешивали кровь с высшими из ама-зулу — так называется мое племя. Хотя обычно черные люди были их едой и слугами. Но это было давно, еще до Изменения. Моя семья была одной из первых, которая смешала кровь с имбулу. Это дало нам усиление Круга Разума.

— А кто такие имбулу? — полюбопытствовал Ариес, заинтересованный ее словами. — Это волши?

— И да, и нет, — задумчиво ответила Син, сворачивая в сторону замкового

комплекса, — они пришли раньше Изменения, задолго... из тьмы веду-зулу пришли они и правили тайно. У нас в племени есть история девушки, дочери вождя и невесты вождя. Ее звали так же, как меня. А тебе, правда, интересно?

— Ты шутишь? — удивился Ариес. — Что может быть интереснее, чем узнавать новое?

Гришка согласно покивал, тоже явно заинтригованный. Успокоившись, африканка продолжила свое повествование.

— Имбулу были ящерицы, высокие и ходящие прямо, как люди. Они были здесь, на Земле до Изменения, пришедшие из тьмы внешнего пространства, или, как мы называем его, «веду-зулу». История гласит, что одна такая ящерица однажды своим колдовством приняла облик принцессы Хомбекансини, дочери великого вождя ама-зулу. Когда принцесса собирала хворост для очага — да, не удивляйтесь, принцессы моего народа приучены к домашней тяжелой работе, — ящерица вышла ей навстречу и отняла у нее волю взглядом, словами и силой Разума. Затем она отобрала у принцессы одежду и украшения, оделась сама, обернула свой длинный хвост вокруг бедер, накрепко привязав веревкой, так, что со стороны стало казаться, что под юбкой у нее пышные красивые бедра и зад. Принцессу она принудила идти с собой, используя ее как рабыню. Поскольку ящерицы-имбулу обладают силой и свойствами обоих полов, она в пути несколько раз овладевала принцессой, находившейся под влиянием ее Разума. Наконец они прибыли в племя принца, жениха Хомбекансини. Ящерицу приняли как подобало, но с той ночи, как она поселилась в краале, у коров стало пропадать молоко. Свекровь принцессы, умная старая ведьма, заподозрила неладное. И решила сделать ловушку для ящерицы. Вырыли огромную яму и наполнили ее молоком, затем все девы и женщины племени должны были перепрыгнуть через эту яму. И когда прыгнула имбулу, ее хвост разорвал свои путы и принялся поглощать молоко. Ящерицу разоблачили и убили, а принцесса заняла свое положенное место рядом со своим принцем. Но в ее утробе уже зрело семя имбулу. Ее дочь, принцесса Сибонгиле, была воспитана как дочь принца, а позже короля, но все знали, кто она, ведь ее тело и лицо украшали узоры из чешуи. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, она объявила, что сама выберет себе супруга. Она выбрала молодого воина, самого красивого и благородного, на которого смотрели сотни девичьих глаз. С ним она ушла из племени и затем стала родоначальницей собственного. Это были великие воины и воительницы и великие шаманы. Их она призвала из разных племен силой Разума. Принцесса Сибонгиле обладала способностью своей матери-отца имбулу менять семя в утробе для того, чтобы избежать болезней и увечий ребенка. Первые ее потомки женились между собой, затем они были разделены велением Сибонгиле на пять родов-общин, внутри которых браки были запрещены. Мы с моим мфовету Кито принадлежим роду Белой Ящерицы и можем связывать наши жизни только с членами рода Черной Ящерицы. Кито наследует способности к управлению внутренним огнем и болезнями, я же унаследовала силу Разума в целом. Поклонение великому Дамбалле было нам предписано с самого раннего возраста, ведь сам Отец Змей

призвал нас, начертав знаки на наших телах.

— Вот это я понимаю, история рода, — покачал головой Гришка. — Получается, эта чешуя на лице у тебя от твоего предка-ящерицы?

— Да, как и хвост, — кивнула Хомбекансини, — эти свойства передаются только по женской линии. И кровь наследуется тоже по женской. В отличие от племени ама-зулу, в моем племени женщины правят и выбирают мужей. У госпожи королевы, моей матушки, двадцать два мужа. Я дочь ее от четвертого супруга, а мой младший Кито — от последнего и самого молодого.

— Хвост, — зачарованно прошептал Ариес. Син весело сверкнула белоснежными зубами, и неожиданно тонкий чешуйчатый хвост вырвался из-под ее коротенькой, украшенной драгоценными камнями юбки, обвившись вокруг колена Гришки. Тот удивленно рассмеялся. Пощекотав кончиком хвоста бедро Григория, Хомбекансини спрятала свое сокровище под юбку, обвив вокруг бедер.

— Не то чтобы это была великая тайна, — сказала она, — но не особо распространяйтесь об этом. Вам я показала, потому что теперь вы оба абафовету, мои братья. Теперь вы знаете мой секрет.

С этими словами она легким шагом помчалась к той части Обители, где располагались комнаты девочек.

В общаге их ждало нечто новое, встревожившее Ариеса. Усталый и какой-то взъерошенный Эйле велел идти строго в свои спальни, не кучковаться в общих комнатах для отдыха и свиданий. Это было необычно, но они не осмелились расспрашивать, потому что Эйле явно куда-то спешил.

Проходя через большую молельню, освещенную светом «вечных свечей», ребята обнаружили неподвижное тело в центре октаграммы. С каждого угла ее сидели Сестры-жрицы, тихо напевая молитвы Матери, от их изящных рук золотистое сияние струилось к телу в центре. Ариес сглотнул, невольно сжав в ладони пальцы Гришки, его замутило от этих напевных звуков, от аромата курений. Он потянул Григория, торопясь покинуть молельню. Они пересекли ее по краешку и нырнули в свой коридор.

Честер вернулся еще через два часа, когда они уже пообедали и принялись за уроки. Вломился растрепанный, в кое-как застегнутой одежде, весь в цветочной пыльце и с карминовой помадой на шее, со стоящими торчком остроконечными ушами и горящим взглядом. Оба первокурсника воззрились на это диво дивное.

— Не отвлекайтесь, — Честер мурлыкнул и принялся ворошить угли в камине.

Ариес сделал глоток молока с медом и закусил булочкой из цветочной пыльцы, пока Гришка дописывал уже продиктованные строки. Писал он не то чтобы как червяк хвостом, а как очень пьяный червяк, хорошо перебравший гоблинячьего октябрьского эля. С явным трудом закончив строку и утерев выступившие на лбу капли пота, он тоже потянулся к своей кружке.

Уже битый час они сидели на постели у Ариеса, и Гришка пытался нарисовать и записать под его диктовку пропущенную лекцию Эйлиеса по источникам, потому что, несмотря на все усилия, с письмом у него было совсем плохо. Честер помалкивал, удобно устроившись на своей постели и глядя в окно, за которым разгорался совершенно сумасшедший закат. Тучи, густо покрывавшие небо, в кои-то веки расползлись, открыв вид на раскаленное багровое солнце, медленно опускавшееся за волны древесных крон и далекие скалы. Кровавые отблески ложились на огромный сверкающий купол университета, играли на мраморных колоннах и статуях, видневшихся вдалеке.

На время бросив задание, младшие тоже прильнули к окну, зачарованно глядя на потрясающее зрелище. Гришка вздохнул, когда последний отблеск солнца зеленой нитью пролег по небу и почти сразу угас.

— Как же это красиво! — сказал он, видимо все еще под властью увиденного. — У нас редко такое узришь, ведь со времен Изменения в Сибири и до самого Полюса все вьюги да снежные бури и почти не прочищается небо.

— У нас тоже, — Ариес заставил себя отвернуться от окна, — да и времени в детстве не было на такое. А в школе и подавно, и места там сумрачные, как вот у вас.

Они немного посидели молча, доедая свой ужин, а потом снова взялись за учебу. Дело продвигалось не очень быстро, пока охваченный эмпатическим соперничеством Ариес не ухитрился каким-то образом соединить свой разум с разумом Григория. Это было очень странное чувство, озадачивающее до крайней степени. Но Ариес попытался удержать его и хоть отчасти разобраться с тем, почему Григорию так тяжело дается обучение.

— Эй, котенок, полегче!

Голова безумно кружилась, во рту стоял металлический привкус. Григорий, сидя напротив, промокал кровоточащий нос полотенцем. Лицо его было невозмутимо, как всегда, хотя при взгляде на него у Ариеса заныл затылок.

— Прости, я не хотел тебе навредить, — Ариес в ужасе потянулся к нему, сжав запястье, — прости меня, Гриш!

— Ничего, — Григорий слабо улыбнулся, — меня какие только знахари не пытались лечить, отец ко многим возил, думал, можно вылечить. Потом просто

решил, что я идиот. Потом брат приехал, он как-то умел объяснить так, что я понимал сразу, не по буквам.

— Я читал про такое, — Ариес, охваченный чувством вины и состраданием, позволил свету своего сердца коснуться сердца северянина, — только это называлось мудрено и описывалось как недуг людей во времена до Изменения. Сейчас скажу как.

Он перебрал несколько страниц, сохранившихся в памяти.

— Дислексия — так зовется эта хворь. Она неизлечима, но те, кто страдает ею, обычно обладают иными дарами и способностями.

— В общем-то, я уж притерпелся, — Гришка отложил пропитанное кровью полотенце и потер виски, — но худо то, что обычно на уроках нужно вести записи, а мне это-то и трудно. Так-то я запоминаю со слов.

Ариес задумался на секунду. Решение было одно. Немного полистав заученные формулы, он соткал волшебство и аккуратно снял копию со своих записей.

— Так будет проще, — сказал он, перетащив полностью содержание урока и скопировав в блокнот северянина. — Я буду записывать за нас обоих. А ты будешь слушать, если вдруг я не услышу чего-то. Думаю, с учителями можно будет договориться. В конце концов, какая разница, как именно ты выучиваешь урок?

— Это подходит! — обрадовался Гришка. — Я бы сказал, это отличное предложение!

Теперь у них пошло намного легче, так что они даже немножко попрактиковались в изменении предметов с помощью Силы Разума, заданном на уроке профессора Менсы, попутно едва не испарив узорчатый столбик кровати. В дополнение Гришка каким-то образом превратил подушку Честера в большущего ярко-желтого краба, который тут же угрожающе поднял клешни и защелкал ими.

— Так, на сегодня, пожалуй, достаточно уроков, — проворчал перевертыш, щелчком пальцев обернув краба снова подушкой и потирая ущипнутый клешней бок. — Отдыхайте, котята. Пока хватит колдовства.

— И как это у меня получилось? — недоумевал Гришка, почесывая в затылке.

Комната неожиданно содрогнулась так, что стекла в окнах зазвенели и с потолка посыпались ошалевшие пауки. Пересадив одного восьминогую бедолагу на подоконник, Ариес слез с кровати и подошел к двери, приоткрыл ее. Станный звук, больше всего похожий на протяжный стон какого-то гигантского существа, заполнил все пространство и продолжал звучать, даже когда дверь захлопнулась.

— Что это было? — прошептал Ариес, чувствуя, как волосы на загривке поднялись дыбом от этого звука. В мгновение ока Честер слетел с кровати, толкнул младшего к его кровати и наложил несколько щитовых рун на дверь.

— По постелям сейчас же! — его мурлыкающий голос обрел некие нотки, от которых Гришка и Ариес, переглянувшись, тут же нырнули под свои одеяла. Перевертыш взмахнул рукой, и на прикроватных столиках, а также на каминной полке появились дополнительные подставки с «вечными» свечами. Комната ярко осветилась.

Повторный жуткий звук, казалось, пронизал все здание Обители. До смерти перепуганный Ариес испарил столик, разделявший их с Гришкой кровати, сдвинул обе и нырнул под одеяло к Григорию. Тот не был против, и они прижались друг к другу, вслушиваясь в дрожащий чуждый стон. Честер тем временем наложил дополнительные щитовые чары на все окна, пол и потолок.

— Никто не выйдет отсюда без моего разрешения, — сказал он, отерев со лба капли пота и махнув одним глотком полную кружку амбрессы, — надо было вам сказать, наверное... в общем, один из третьекурсников был найден в закрытой недостроенной секции. Он не мертв, но что-то с ним произошло. Сейчас над ним колдуют знахарки из Сестер. Вы ребята умные и побывавшие уже в переделке, думаю, поймете, почему я сейчас делаю то, что делаю.

Он чуть помедлил, осушил еще кружку амбрессы. Ребята смотрели на него во все глаза.

— На этом парне кто-то применил чары Бездны, — понизив голос, произнес Честер.

Дрожащие пальцы Григория стиснули руку Ариеса, и он сжал их в ответ.

— Хочешь сказать, что здесь, в Обители, есть кто-то, кто поклоняется Бездне и Отосланным? — голос позорно сорвался на свист. Честер взмахом руки наполнил кружку и осушил ее.

— Поэтому отсюда ни ногой!

Ариес укопался поглубже под одеяло. Потом стало вдруг спокойно, и он не сразу понял, что это Гришка коснулся его «светом сердца».

— Надо поспать, — тихонько сказал северянин, прижав губы к его уху, — завтра на уроки вставать рано.

«Если еще встанем!» — подумал Ариес, но не стал говорить вслух. Сон нахлынул, словно темный поток, унося его куда-то в иное место, туда, где его звали Ранвир

Тадж, туда, где он жил жизнью обычного человека — с женщиной по имени Олег. Та жизнь была так же реальна, как и жизнь Ариеса Кирована, но время было иное. На огромных переливающихся часах на высокой башне он видел дату — 22.12.2025. А потом мир начал рушиться...

6. Уроки прошлого

Разумеется, они благополучно проспали, а когда проснулись, Честера в комнате не было. Ариес никак не мог продрать глаза, его растолкал Григорий, уже успевший принять душ и одеться в свою постиранную и высушенную одежду. Пока Гришка готовил завтрак, Ариес тоже принял душ и забрал свою одежду, смутно успев лишь удивиться отсутствию верхнего вязаного свитера, который носил поверх нательной рубахи. Нашупав в закрытом кармашке рубахи монетку, подаренную Паромщиком, он почему-то успокоился.

Поев, они с Григорием попытались выйти, но получили по солидному удару заклинаниями. Пришлось поднапрячься, но они сумели разобраться с защитными чарами, так что влетели в аудиторию буквально за пару секунд до того, как исчезла дверь.

Первым уроком шли Пути Вселенной, и вел их профессор Тенджил Крид, совсем молодой преподаватель, на вид бывший ровесником старшекурсников. Он показался Ариесу удивительно милым и хрупким, а от его робкой, полудетской улыбки веяло теплотой. Его лицо было смутно знакомым, словно он напоминал кого-то. Ариес полистал школьные воспоминания, но ничего не нашел. Возможно, этот человек просто был похож на кого-то из тех, кто встречался на его пути до поступления в школу.

— Кто из вас может рассказать что-нибудь о мире до Изменения? — мягкий голос звучал негромко, но заполнил всю аудиторию.

Ариес огляделся вокруг и неуверенно поднял руку. Профессор Крид изящным жестом пригласил его на возвышение рядом с собой и попросил рассказать то, что он знал о прошлом.

Аудитория слушала молча, никто не решался прервать Ариеса. И он понимал почему. Очень мало было сведений о мире до Изменения, и все хоть сколько-нибудь достоверные источники принадлежали Стигийской Библиотеке. В школах и университетах были крупницы тех знаний, но и они зачастую были укрыты от ищущих взоров в специальных секциях. Ариес, забиравший в свою феноменальную память все, что мог добыть из этих сведений, присовокупил к ним еще и знания из своих снов. Знания о полных человеков улицах, о столице Гранбритании Лондоне, о Японии, почти полностью переключенной во время Пришествия, и о технологиях исчезнувшего мира.

Когда он закончил, то обнаружил, что даже преподаватель смотрит на него

круглыми от удивления глазами.

— Ваши знания весьма обширны, фрей Кирован, — сказал он наконец. — Не могли бы вы назвать источники, из которых почерпнули их?

Ариес перечислил прочитанные книги и прослушанные записи на кристаллических носителях, потом, поколебавшись, рассказал о снах, в которых был кем-то совсем другим. Глаза Крида распахнулись еще шире.

— Вас не затруднит после уроков прийти в университетскую библиотеку и предъявить Мастеру Смотрителю вот это? — спросил он, достав из ящика стола маленький прямоугольный клочок бумаги. Поколебавшись ровно секунду, Ариес взял бумажку.

— Я приду, профессор, — сказал он, аккуратно вложив ее в поясной кошелек для монет и бумаг.

— Садитесь, высший балл, — Крид улыбнулся ему, но Ариес заметил, что губы его дрожат, а в темных серых глазах появился страх.

Урок прошел очень интересно. Крид демонстрировал странного вида предметы и рассказывал истории об их создании, о том, для чего нужна механика и как применять механизмы древности на практике. Особенно Ариесу понравилась счетная машинка, хотя это был очень сложный механизм. Крид с помощью заклинания Пронизывания позволил им увидеть внутренности машинки, и взорам учеников предстали валики и шестерни, взаимодействовавшие друг с другом так четко и собранно, что на машинке можно было совершать любые счетные манипуляции. Только надо было знать, как и что делать, какие первоначальные данные следует вводить, чтобы получить итоговый результат.

— Для людей, не наделенных магией, эта машинка была отличным подспорьем, — говорил Крид, — если требовалось подсчитать большие объемы чисел. Вот, к примеру, требовалась еда для школ, исходя из необходимого числа вложения на одного ученика. Все данные суммировались, из них производились вычисления по общей шкале. Не все могли удержать подобные вычисления в мозгу, не все умели их делать. Для таких случаев придумали счетные машинки. Эта еще довольно простая и примитивная. Позже, когда человечество пришло к высоким технологиям, основанным на электронике, приборы стали меньше, совершеннее и могли совершать огромное количество манипуляций в кратчайшие сроки без особенных усилий со стороны людей.

— Можно вопрос, профессор? — подняла руку хрупкая рыжеволосая девушка с раскосыми серыми глазами, в которых было по два зрачка в каждом. — Разве не технологии послужили источником Изменения?

— Об этом по сей день ведутся споры, — ответил Крид, устраиваясь на столе

рядом со счетной машиной и любовно поглаживая агрегат по темному обшарпанному боку. — Осталось слишком мало сведений о том, что случилось в те дни и перед ними. В основном все записано со слов тех уцелевших, что смогли дожить до времен Союза. А их, как вы понимаете, было очень и очень мало.

Ариес под столом показал Гришке и Хомбекансини бумажку, данную преподавателем. Это оказался пропуск с синей стрелкой. Гришка сделал круглые глаза и ободряюще похлопал Ариеса по руке. Хомбекансини бросила быстрый взгляд на преподавателя, распечатывающего очередной прибор, и тоже состроила изумленную гримаску.

— Синяя стрелка — это же пропуск на закрытые уровни, туда и учителей-то не всех допускают, — едва слышно прошептала она. — ну и ну, ты его здорово впечатлил. Не знала, что ты сновидец.

— Ну, я вижу сны, — тоже очень тихо ответил Ариес, — но я думал, их все видят.

— Смотря какие, наверное, — отозвалась африканка.

Они прекратили треп и вслушались в очередное объяснение Крида. Теперь речь шла о приспособлении для прослушивания музыки.

После уроков Ариес отправился в библиотеку — огромное, похожее на опрокинутую каменную чашу здание на окраине университетского комплекса, рядом с Обителью. Гришка и Хомбекансини решили проводить его, хотя и сомневались, что их троих впустят по одному пропуску. Но, к их величайшему изумлению, старенький привратник пропустил всех троих, указав направление.

Библиотека была огромной, сотни ярусов были уставлены книгами, кристаллами, каменными плитами. На верхних этажах хранились старинные манускрипты и гримуары.

— Интересно, почему они не объединили эту библиотеку с той, которая в Обители? — полюбопытствовал Григорий, с восхищением разглядывая ряды кристаллов, хранящих в основном музыку и звуковую информацию.

— На самом деле это единый комплекс, — произнес чей-то голос за их спинами, заставив подскочить от неожиданности. Обернувшись, Ариес уставился на высокого изящного старика с длинными волосами, заплетенными в десятки тонких косичек. Огромные прозрачные глаза с изорванными радужками не могли принадлежать человеку.

— Меня зовут Тьенно, — представился старик, глядя на напрягшихся первокурсников, — я смотритель закрытых секций. В том числе той, которую вы не так давно привели в порядок, фрей Кирован и фрей Распутин. А прекрасная

фрейя, должно быть, ваша подруга?

— Хомбекансини к вашим услугам, наставник, — африканка слегка наклонила голову. Старик кивнул.

— Идемте, дети мои. Нам сюда и на лифте вниз.

Они и правда спустились на старом скрипучем лифте довольно глубоко на подземные уровни. Ариес подумал, что отдал бы многое, чтобы засесть здесь на несколько недель или даже, может, месяцев. Но неожиданно для себя понял, что без Григория и Честера это бы быстро наскучило.

— Сюда, не отставайте, — Тьенно скользнул куда-то в темный переход между полками, — это всего лишь старые книги, которые не любят света. Некоторые из них любой свет может повредить, а то и сжечь.

— Темная магия? — понимающе спросил Ариес, стараясь идти след в след за стариком.

— Не только. Есть вещи, по сравнению с которыми темная магия — это детские игры, — донеслось до него.

Наконец они выбрались на открытое пространство, похожее на зал. Из него вело несколько дверей, и старик выбрал одну из них. За дверью был короткий темный коридорчик, в конце которого была еще одна дверь, а уже за этой дверью располагалась относительно светлая комната с книжными полками до самого потолка. Легкий аромат книжных страниц, благовоний и амбрессы создавал успокаивающую атмосферу. Хомбекансини принялась и блаженно улыбнулась.

— Алоэ и квенза, чистые, без примесей, — пояснила она удивленным ребятам, — у нас такие благовония жгли только в покоях госпожи королевы, моей матери.

— Располагайтесь, — произнес Тьенно, проходя к небольшому столику, на котором стояло несколько пустых кристаллов для записи звуковых посланий. — Если желаете есть и пить, то вот.

Он не глядя взмахнул рукой, и посреди комнаты возник невысокий круглый столик, уставленный вазочками с фруктами, сладостями и кувшинами с амбрессой. Голодные после уроков ребята не заставили себя упрашивать. К чести старика, он подождал, пока они утолят голод, и только после этого перешел к делу.

— Сегодня на уроке по Путям Вселенной вы, фрей Кирован, упомянули о снах, которые вам снятся, — сказал он, удобно устроившись в большом кресле чуть поодаль от стола. — Давно ли эти сны преследуют вас? Можете ли вы подробно описать их?

Ариес прикрыл глаза, пытаясь вернуть в памяти первые из снов. Это оказалось неожиданно сложно, от запаха благовоний кружилась голова и сбивались мысли.

— Они не линейны, — сказал он, спустя минуту, — обрывочны. Насколько могу судить, я был тогда кем-то другим — или вижу глазами другого человека. Первые сны были о днях Изменения, когда открылись врата миров и пришли волши. Потом снились сны о времени до прихода. Некоторые я не совсем могу понять, а потому не могу оценить.

— Ты позволишь сделать слепки с твоей памяти о них?

Ого, так вот зачем он понадобится здесь. Почти сразу, словно удар под дых, пришли воспоминания о детстве.

— Это очень больно, — наконец сказал он, опустив голову, — я не знаю, смогу ли выдержать.

— Нет, с чего ты взял? — удивленно произнес старик.

Ариес поежился, бросив взгляд на своих друзей, которые напряглись в своих креслах.

— Я... в детстве несколько раз у меня брали слепок, — неохотно признался он, не уточняя подробностей.

— В детстве? — Тьенно нахмурился. — Но ведь это запрещено! У детей можно брать слепок лишь в самых крайних случаях, если их жизни угрожает непосредственная опасность.

Ариес сглотнул. Меньше всего он хотел, чтобы кто-то узнал о тех днях из его детства. Ему чуть дурно не стало при мысли о том, что эти знания могут оказаться у кого-то постороннего.

— Ты побледнел весь, — старик присел рядом с его креслом, сотворив табурет, с тревогой всматриваясь в его лицо. — Успокойся, мой мальчик, никто не причинит тебе вред здесь. Если ты боишься или просто не хочешь, ничего не будет.

Ариес не мог заставить себя поднять на него глаза.

— Я... наставник... я могу рассказать вам. Все, что захотите. Но если возможно, сейчас я бы хотел уйти. Пожалуйста.

— Конечно, сынок, — старик мягко коснулся его руки, судорожно стиснувшей подлокотник. — Прости, если я напугал тебя. Вот, возьми этот пропуск. Он постоянный. И теперь ты сможешь найти дорогу в мои покои.

Маленькая жесткая ключ-карта с синей полосой легла на стол перед ним.

— Ты можешь взять с собой своих друзей, как сегодня, если будешь бояться. Здесь не тюрьма и не обитель зла, — Тьенно поднялся с табурета и вернулся в свое удобное кресло, — и в любое время моя дверь открыта для тебя и твоих друзей.

7. Враг внутри

Всю дорогу до Обители Ариес молчал, погруженный в так не вовремя всплывшие воспоминания. Хомбекансини и Гриш топали рядом, тоже помалкивая, но он чувствовал свет сердца Григория и теплую ладошку девушки на плече. И становилось легче от мысли о том, что кошмар давно позади.

— Надо же, как быстро стемнело,— заметил Григорий, когда они шли мимо усыпальницы, в которой были захоронены семеро первых наставников, создавших в свое время университет. — Мне казалось, должно быть светло еще.

— Так это гроза надвигается, — сказала Хомбекансини, указывая в небо, уже затянутое свинцовыми тучами. — Слышишь, как гром гремит?

Порывы ветра налетели внезапно, разорвав штиль.

Ариес поднял голову, озираясь. Странное чувство охватило его при виде невысокой тонкой фигурки с разноцветной гривой волос, струящейся по ветру. Девушка стояла на крыше гробницы, воздев руки и колдуя. Он вспомнил её, однокурсницу с соседнего факультета, где учились маги-целители. Ленг Ивангоэ, вот как ее звали. Ариес помнил, как восхитили его ответы девушки на уроках по травознанию и использованию исцеляющих чар. Она явно была книжницей, как и он, отвечала четко, по существу и принесла ему хорошее новое знание, которое могло пригодиться в будущем.

— Ленг? — удивленно произнесла Хомбекансини. — Что она делает на крыше усыпальницы?

— Колдует, — сдавленно произнес Гришка. — Смотрите!

Ариес сумел только вздохнуть, глядя расширившимися глазами на зарождающийся темный вихрь меж рук Ивангоэ.

— Она пытается открыть стену, — сказал он онемевшими от шока губами, — пытается снять защиту.

Ветер усиливался. Хомбекансини вскрикнула, подняв руки, Григорий тоже творил магию. И тут, не то почувствовав их присутствие, не то услышав крик, Ленг Ивангоэ обернулась. Ариес едва не позабыл слова заклятия при виде ее белого,

как мел, лица и глаз, сияющих темным светом. Одержима, вот только кем? И какие жуткие, пылающие глаза! При виде этих глаз он ощутил вдруг, как из него уходит страх, и любовь, и все чувства и эмоции. Этот взгляд вытягивал их, высасывал из него сияние жизни. Возвращал в темную восьмиугольную комнату в старом отцовском доме, к темным фигурам, склоняющимся над ним, голом, распятом на каменном алтаре... Как во сне он услышал Гришкин вопль и увидел, как тот, прикрываясь рукавом своего одеяния, пытается подобраться к одержимой.

Ленг вытянула руку, удерживая круг тьмы другой рукой, и Григория отбросило назад. Хомбекансини выкрикнула заклятие, оформив его и послав в одержимую. На мгновение пылающий темной пустотой взгляд девушки оказался прикован к великолепной африканке. Ариес пошатнулся, ощущая, как потоком хлынули обратно не до конца высосанные ярость и ужас.

Хомбекансини держала одной рукой щит из чар, другой посылая в одержимую световые копья. Откуда-то издалека доносились крики, но они были словно бесконечно далеко. Ленг Ивангоэ ухитрилась извернуться, так, что посланное заклятие просвистело мимо ее головы, не коснувшись. Ариес смотрел на девушку, даже не понимая еще, что плетет заклятие. Но поняла одержимая. Резко обернувшись к Ариесу, она послала в него сгусток черной плазмы.

Было почти нечем дышать. И причиной был не хлынувший ливень, мгновенно превративший пространство вокруг усыпальницы в грязевую ванну. Ариесу показалось, что в груди у него зияет дыра, через которую уходила жизнь. Хомбекансини продолжала бороться, но дела ее были плохи. Ивангоэ сломала ее защиту и повергла в грязь, как и его. А потом протянула руку, спуская черный круг с запретными рунами. Ариес рванулся, выдернув онемевшее тело из грязи, и бросился между кругом и африканкой. И заклятье, посланное Григорием, ударило в одержимую мгновением позже, чем сияющий чернотой круг ударил его в грудь. Он успел услышать визг Ленг Ивангоэ и увидеть надвинувшуюся тень, выкрикнуть последние слова заклятия отражения, а потом тьма охватила его самого.

Ариес очнулся, словно вынырнул из темной тяжелой воды. Дышать было трудно, в груди словно что-то росло, причем росло быстро, так что не оставалось места для вдохов. Потом на грудь легла широкая ладонь в черной кожаной перчатке, и бледное, с покрасневшими веками, прекрасное лицо Ротбарта Физра склонилось над ним. Почти сразу стало легко и свободно дышать, но острая боль пронзила грудь, словно что-то пробуравило самый центр грудины. Профессор Физр отдернул руку в пульсирующей черной массе, облепившей перчатку.

— Вот и все, — отрывисто произнес он, щелчком пальцев испепелив черноту в белом пламени, — теперь только отдых и покой. Хотя бы на эту ночь. Понимаю, фрей Кирован, что больше вы не выдержите.

Едва заметная улыбка тронула его губы.

— Благодарю, профессор, — прошептал Ариес, с наслаждением вдыхая воздух, пропитанный курениями целебных трав. — Что это было?

— Это? — Фиэр поднял руку в перчатке. — Это была тварь Бездны. Одна из самых слабых, но если бы я не подоспел, очень скоро ты бы не смог дышать, а твое тело заняло бы потустороннее существо. Отдыхайте, ребята. Если что-то будет тревожить, сразу же зовите меня.

Он бросил странный взгляд на Ариеса, но больше ничего не сказал. Развернулся и вышел.

Ариес попытался приподняться, но рухнул на подушку без сил. Склонившись над ним, Гришка отер его лоб прохладной ладонью и пытливо заглянул в глаза.

— Ты точно в порядке? Профессор Фиэр говорит, что было несколько попыток прорыва изнутри комплекса. Он принес тебя сюда и велел глаз не спускать с тебя. Мы перепугались, думали, Ленг убила тебя этим живым заклятием.

— Я правда в порядке, — пробормотал Ариес, борясь со слабостью. — Не отказался бы от глотка амбрессы. А где Син?

— Она в своей части Обитатели. Нас всех разогнали по комнатам, — сказал Честер, выглядевший потрепанным.

Он сотворил несколько блюд с тушеными овощами и жареными цыплятами, наполнил кружки благоухающим напитком. Ариес с помощью Григория устроился за столом и принялся за еду. Сразу же стало легче, прошло мельтешение черных точек перед глазами.

Съев все, что было на столе, они улеглись по своим кроватям. Ариеса все еще немного мутило, если резко двигался. Потому он вытянулся на постели, прикрыв глаза. И до него не сразу дошло, что на нем больше не верхняя одежда, в которой он посещал уроки, а уютная фланелевая пижама в мелкую синюю клетку. Открыв глаза, он осторожно повернул голову и увидел, что Григорий смотрит на него со странным выражением. Ариес с трудом подавил желание сжаться в комок и завывать. Вместо этого постарался сделать свой голос как можно спокойнее.

— Это вы меня переодевали?

— Мы, — добродушно откликнулся Честер, подкидывая пару поленьев в камин, — если ты беспокоился насчет шрамов, то зря. Ну, шрамы и шрамы, чего такого-то?

— Ну... мы пока отмывали тебя от дерьма и грязи... — Гришка смущенно пожал плечами. — Только слепой бы не увидел.

Ариес подтянулся, преодолевая слабость, устроился спиной на горке из подушек.

— Гриш, нальешь мне еще амбрессы?

— Конечно, — Григорий сел, подтянул кувшин с напитком и наполнил стакан Ариеса. — Тебе лучше лежать сейчас, слышал же, что профессор сказал.

— Вам... — Ариес сделал глоток, чтобы прочистить сжавшееся горло, — вам не очень противно было, когда вы меня... смывали с меня грязь?

— С чего вдруг? — удивился Честер. — Ты это брось, малыш. У каждого есть недостатки, и никогда не проси прощения за свои. Сомневаюсь, что ты сам себе поставил эти шрамы.

Ариес сделал еще глоток ароматного горячего напитка, чувствуя, как слезы облегчения вскипают в глазах. Он не думал, что удастся выговорить хоть слово, но неожиданно получилось даже легче, чем он обычно отвечал уроки.

— Это мадам, вторая жена папы. Пока он был жив, она кое-как сдерживалась, это потом словно с цепи сорвалась. Брат ей помогал. Мадам заставляла меня работать по дому, а если не успевал все сделать, то била чем придется, чаще всего воловьим кнутом. Иногда прижигала каленой кочергой, когда бить уставала или ей было лень. Ну шрамы и остались.

Он сделал еще глоток амбрессы, пытаясь отогнать ощущение холода и усталости, всегда сопровождавшее его при воспоминаниях о мачехе и брате. Разумеется, ни Григорию, ни Честеру, ни кому-то другому не стоило знать всей правды. Но желудок снова свернулся в горький ком при воспоминании о тех вещах, которые мачеха творила с ним помимо порок. Он откинул голову, борясь с тошнотой.

— Когда мне исполнилось десять, она решила меня убить. Я подслушал ее разговор с братом, это было последней каплей. В ту же ночь я выбрался через дыру в чулане, которую проделал, чтобы иногда уходить в лес. Так-то я дальше опушки не ходил, а тут приперло. Ну и дал ходу до самой школы, хотя там, в лесу, много чего водилось. Как меня не сожрали, сам не понимаю. Я ведь не знал тогда ничего, не умел совсем колдовать. Даже завалящего заклятия не знал, но как-то ухитрился дойти через весь лес до Школы Святой Божены. Там директором был старый папин друг, Мастер Инто Анделе. Он меня выслушал, задал несколько простых вопросов и сделал так, чтобы в школу меня приняли в тот же день, без экзаменов. Через два дня туда заявила мадам...

Ариес сглотнул, невольно сжав руку Гришки в своей. Тот уселся на край его кровати, но в ответ на этот жест нырнул под одеяло и прижался к боку Ариеса, обняв его. Стало тепло и спокойно. Ариес улыбнулся, с благодарностью взглянув на друга.

— Она требовала отдать меня немедленно, говорила, что я под ее опекой. Я тогда здорово перепугался. Но Мастер Анделе сказал, что теперь я ученик Школы Святой Божены и что святая мать взяла меня под свое покровительство. Мадам была в такой ярости, что даже мастеров-наставников проняло. Но Мастер Анделе уже рассказал им про нее и показал... шрамы на моем теле. И они все, как один, встали на мою защиту и пригрозили ей, что подадут на нее жалобу в бургомистерский совет. В общем, как ни злобилась она, ничего у нее не вышло. Пробовала брата устроить в школу, чтобы ко мне подобраться, но он не колдун от слова совсем, мертвая кровь, как сказал наставник Кросс. И тут не вышло у нее до меня дотянуться. В школе мне было хорошо, а в средней школе и того лучше. Ну, а тут и говорить не о чем, пусть даже и все эти странности происходят.

Некоторое время царило молчание. Потрескивали дрова в камине, где-то вдалеке пел нежный девичий голос.

— Попалась бы мне эта мадам, — проворчал Честер, выпуская когти и демонстративно шевеля пальцами, — показал бы ей, как мучить котят.

— А я бы помог, — сверкнул серыми глазами Гришка, — великий это грех — бить маленьких детенышей и так их истязать.

Ариес сел на постели и потянулся, взяв одной рукой за руку Честера, а другой сжав пальцы Григория. Снова чувство тепла и дома наполнило его. Но почти сразу сменилось слабостью.

— Я все о себе... а что с Ленг? Она в порядке?

— В порядке, — кивнул Честер, отворачиваясь, чтобы наполнить свою кружку. — Ты успел вовремя. Что бы это ни было, оно не смогло ее руками открыть проход... благодаря тебе, малыш. Сейчас она у Сестер в госпитале, о ней позаботятся.

Следующие несколько дней прошли в обычном режиме. Как ни пытались мальчишки выяснить подробности нападения на университетский комплекс и что произошло возле усыпальницы, единственное, что удалось им узнать, это то, что еще несколько учеников оказались жертвами касания Бездны. Теперь к каждой группе учащихся был приставлен старшекурсник, в задачу которого входило присматривать за младшими и в случае опасности защищать. Честера назначили вожатым одной из групп второкурсников, а группе, в которую входили Ариес, Гриш и Хомбекансини, достался Хикару Асано.

Асано первым делом произвел перестановку своей группы, указав каждому его место, поставив тех, кому удавалась боевая магия, во внешний ряд, а под их прикрытием разместив магов-защитников. Самых слабых и беззащитных целителей он поставил в центр группы. Отныне на открытых пространствах им предстояло перемещаться именно в таком порядке Сам Хикару всегда шел так,

чтобы наблюдать за всеми своими подопечными. Ариес был ему за это благодарен. Само осознание того, что враг, возможно, находится внутри защитного купола, тревожило, пугало, выбивало из обычного ровного состояния. Но рядом с Асано он неожиданно ощущал себя спокойно, почти так же спокойно, как и рядом с Честером, и с любым из преподавателей.

8. Память о прошлом

Прошло еще десять дней. Благодаря предосторожностям, принятым учителями, жертв больше не было. Хотя за пару дней до полнолуния несколько учеников видели нечто, что летало в воздухе и пару раз хватало летучих мышей и ночных птиц. Слухи расползались со скоростью поветрия. Теперь с наступлением темноты жизнь на территории университетского комплекса замирала. Ночами большая часть окон светилась оранжевым, а Эйле и хранители соседних построек Обители зорко следили за своими подопечными.

Впрочем, вскоре в дневные светлые часы ученикам позволили разбредаться, с условием, что все они будут на виду. Честер, Ренгл Юи, старшекурсник и мечта всех девчонок универа, Линда Антили, Варг Иннес и другие старшие групп даже выделили местечко для парочек, прикрыв его туманом и организовав дополнительные щиты, чтобы защитить подопечных. Однажды, проходя мимо туманной зоны, Гришка застучал Фрейю и Лорена, первокурсников с их факультета, выходящих из укрытия. Выглядели они оба совершенно ошеломленными, встрепанными и мечтательными.

— Ну и ну, не думал, что они вместе, — говорил он вечером, сидя у камина и делая бутерброды для всей компании, — они потрясающие, хотя и очень странные.

— Ну, почему бы и нет? — ответил Честер, накладывая укрепляющие чары на окна. — Они оба полукровки, семьи почти на одной ступени, да и умники оба. Я вот не удивлен вообще.

Они трепались о других учениках, об уроках, и под этот теплый уютный треп Ариес колдовал, переносил свои записи в Гришкин свиток. Эти вечера были самыми любимыми для него, несмотря даже на жажду к новым знаниям. А иногда они играли в тройные шахматы или «ступени к сердцу» на желание. Честер как-то проиграл и, помирая от смеха, почти неделю заплетал волосы обоим младшим, поддразнивая их и обещая купить цветные ленточки в городе.

В день перед ночью полной луны Ариес неожиданно для себя нашел силы и храбрость, чтобы посетить старого Хранителя Знаний. И, как ни тяжело и страшно ему было, он убедил Хомбекансини и Григория, которые теперь повсюду его сопровождали, что одному ему будет проще и спокойнее.

— Если будут какие-то новости и наставник Тьенно сможет мне что-то объяснить,

я расскажу вам, — пообещал он, когда в один из теплых пасмурных дней они сидели на лужайке в перерыве между парами и играли в «пять пальцев». — Это не потому, что я не доверяю вам, просто... просто я сам еще ничего не понимаю.

— Ты не обязан ничего объяснять, — мягко успокоила его Хомбекансини, — расскажешь, если решишь сам. У каждого из нас найдется, о чем умолчать. Иди, и удачи тебе, мфовету Аро.

Гришка кивнул и тоже ободряюще сжал его руку.

— Мы просто тебя проводим к библиотеке, а внутрь ты сам пойдешь, ладно?

Ариес кивнул, с облегчением улыбнувшись.

Они шли мимо групп учащихся, иногда до них доносились голоса, обсуждавшие последние новости. Летящее существо из окон своих комнат видели еще несколько человек. Один из мальчишек возбужденно рассказывал, что на его глазах нечто поймало маленькую птицу и тут же умчалось в тень от построек. Рассмотреть, что это было, он не смог, но утверждал, что нечто было скорее круглым, чем угловатым.

Чуть поодаль, у колоннады в память о жертвах Последней Войны, они обнаружили профессора Крида, который казался усталым и каким-то изможденным. На уроках-то он всегда выглядел отлично, одет с иголочки, волосы прибраны, спокойный взгляд. Потому было удивительно увидеть его измученным и с покрасневшими глазами. Заметив их, Крид на мгновение отвернулся, а когда повернулся, лицо его уже снова было свежим и ярким, без тени усталости. Он с улыбкой кивнул на их приветствие и устроился с книжкой на широкой деревянной скамье в тени колонн.

— Ну и дела, — прошептала Хомбекансини, когда они отошли на достаточно большое расстояние от преподавателя, — вы видели?

— Он потрясающе меняет внешность, — завистливо вздохнул Григорий, которому на эту тему было грех жаловаться, поскольку он всегда выглядел потрясающе. — Я слышал, он из семьи, где несколько кровей волшей перемешались с человеческой. Интересно, что его так гнетет? У меня сердце заныло, когда я был рядом с ним.

— Наверное, волнуется за тех, кто в госпитальном крыле и у Сестер? — предположил Ариес. — Ты ведь знаешь, там все, кто так и не очнулся от чар Бездны.

— Ну, может быть, — кивнул северянин. — Ой, смотри, мы уже пришли.

— Давайте оба бегом на площадку, — сказал Ариес, — и не беспокойтесь за меня.

До темноты если не успею, попрошу наставника отвести меня через библиотечные хранилища. Думаю, мастер Эйле не будет против.

В библиотеке было пусто. Ариес брел, с жадностью поглядывая на верхние ярусы, где хранились редкие и древние книги и куда был нужен особый допуск. Интересно, подумалось ему, его пропуск годится для того, чтобы брать там книги? Было бы просто здорово полистать какой-нибудь древний гримуар, который был старым еще до Изменения.

— Вы все же решились, мой друг, — Тьенно, как и в прошлый раз, подкрался незаметно. — Я очень рад вас видеть. Идемте.

— Наставник, — Ариес вздохнул, украдкой бросив взгляд на массивные тома, хранящиеся в застекленных отсеках, — а можно будет почитать что-то из тех книг? Простите, если мой вопрос некорректен.

— Это магия высших ступеней, магия управления живыми существами, их телами, — задумчиво откликнулся старик, приостанавливаясь напротив стенда с ключами, — а вы, фрей Кирован, еще не освоили до конца даже управление неодушевленными предметами. Поймете ли вы что-то из того, что написано в манускриптах Древних?

— Возможно, и не пойму, — подумав, ответил Ариес, — но любые знания бесценны. Даже если до поры до времени применять их нельзя или не получится.

— Вы говорите как истинный Мастер Книжник, — в голосе Тьенно послышались уважительные нотки. — Впрочем, Эйле говорил, что у вас есть одна необычная способность. И даже был свидетелем ее применения на практике.

Ариес покраснел, оглядевшись. Его все еще смущало внимание со стороны, и он все время ждал подвоха. Надо завязывать с этим, подумалось ему, он теперь не в отцовском доме, здесь все иначе. Прошное должно оставаться в прошлом, и это так же верно, как и то, что его дар уже приносил пользу.

— Да, наставник Тьенно, — ответил он, ныряя следом за стариком в темный коридор, — в человеческих документах Предшества эта способность называлась фотографической памятью.

— Вы знали, что подобной памятью обладают лишь люди, но никто из волшей? — спросил старый смотритель, шествуя по узкому коридору между полок.

— Не знал. Я еще многого не знаю, но очень хотел бы, — ответил Ариес, моргая, чтобы перейти на второе зрение. — Могу я попросить вас?

— О чем угодно, фрей Кирован.

Ариес глубоко вздохнул, поежившись.

— Можно ли сделать так, чтобы ваше устройство считало только сны, не затрагивая всего остального?

— Такие сны как ваши, рождаются из зоны мозга, отвечающей за старую память, — ответил старик, замедлив шаг, — именно с этой зоной мы и попробуем поработать. Ваши воспоминания из этой реальности, вне сна, не будут затронуты. Простите, что не объяснил вам этого сразу, но вы были очень сильно обеспокоены и вряд ли слышали бы меня.

Ариес наконец-то смог вздохнуть. Было ощущение, словно в груди что-то разжалось. Он приободрился и ускорил шаг, нагоняя старого смотрителя..

В комнате было все так же уютно, тепло и пахло благовониями. Алоэ и квенза — кажется, так назвала их Хомбекансини. Интересно, подумалось ему, а что такое квенза? Надо будет спросить у Син, когда он вернется. Запах одновременно тревожил и успокаивал. Как такое может быть, Ариес понятия не имел, но крохотная капелька беспокойства все же присутствовала в облаке покоя.

— Садитесь, фрей Кирован, — Тьенно улыбнулся, взмахом руки придвинув тяжелое кресло с покрытыми тонкой резьбой подлокотниками, — устраивайтесь поудобнее и постарайтесь расслабиться. Не бойтесь, боль возможна лишь при насильственном снятии информации.

Он отошел к кристаллам, стоящим на столике у окна, и склонился над ними. Ариес медленно, глубоко задышал, проговаривая про себя заклинание успокоения. Почти сразу чувство покоя и безразличия окутало его, заставив откинуться на спинку кресла. Он подивился, что не прибег к этому способу в прошлый раз вместо того, чтобы позорно сбегать на глазах у друзей.

Тьенно обошел столик, держа один из кристаллов в руках. Между пальцами у него было зажато несколько разноцветных нитей, слабо шевелящихся и пытающихся поднять крохотные игольчатые головки.

— Постарайтесь успокоиться и расслабиться, мой мальчик, — мягко произнес он, устанавливая кристалл на столике и присоединяя к нему обратные концы нитей, — считаны будут только ваши сны о мире до Изменения.

Ариес продолжал медленно дышать, одними губами шепча заклинание. Холодом пронизало голову, но он не успел ничего сказать. Он снова был кем-то совсем другим, человеком иного времени, иного мира.

...Его звали Ранвир Тадж...

— Ты опоздал, — улыбка Олега согревала душу, в голубых глазах была спокойная нежность, которую он так любил. — Ну что, идем в «Серебряные водопады»?

— Давай просто погуляем пока, солнечно так, хорошо, — он подставил лицо редкому английскому солнцу. — Мне в последнее время снятся странные и жуткие сны, так что солнце, ты и свежий воздух — мои лучшие друзья.

— Мне тоже, — Олег неуютно поежился, — тоже кошмары снятся. Странные очень кошмары.

Они остановились на мосту, глядя на проплывающие внизу суда. До них доносились обрывки разговоров тех, кто проходил мимо. Двое, парень и девушка, остановились у перил моста чуть подалее. Ветер принес их беседу.

— Ты знаешь же, мой дед работает смотрителем в Тауэре, — говорил парень, высокий, рыжеволосый, с жестким профилем, — так вот, он сказал вчера, что все вороны в башне умерли. И те, что были в запасе, тоже умерли.

Ранвир поежился; что-то внутри скребло и тревожило, будто крошки, попавшие под одежду. Он прижался боком к Олегу, и тот обнял его за плечи.

— Я вспомнил кое-что из того, что снилось, — тихо сказал он, стараясь успокоиться от прикосновения этой руки, — сломанная земля, странные и жуткие существа. И небо, темное от туч.

Олег прижал его к себе.

— Что бы ни случилось, Вир, я буду рядом. Что бы ни случилось...

...Мир рушился. Из трещин в земле появлялись чудовища, которые иногда выглядели как люди, а иногда совсем чуждо. Он помнил дни, наполненные ужасом и отчаянием. Но ужас и отчаяние разбивались о стену защиты и покоя, которую создал Олег. Вдвоем они ухитрялись не только выживать, но и спасти от верной гибели людей, за которыми охотились существа из кошмаров.

...Он снова был в чистом мире без монстров, в мире, где светило яркое солнце, где он встретил человека, ставшего его судьбой, его жизнью. Олег Йенсен вошел в его жизнь как защитник, встав между ним и чудовищами рода людского.

...Испарения из теплоцентралей затягивали все вокруг бело-серым пологом. Он не знал, куда бежать. Те, кто загнал его в подворотню, намеревались сделать что-то очень плохое. Он уже не раз пожалел, что решил в тот вечер немного расслабиться, выпив пару кружек пива в местном пабе. Голова кружилась, и он

видел скользящие вокруг тени, слышал приглушенный смех. Кто-то шлепнул его и засмеялся громче от его вскрика.

— Громче кричи, крысеныш, — произнес высокий визгливый голос над его ухом, и он отпрянул, задохнувшись от страха и отчаяния.

...Его держали двое, третий обшаривал карманы, попутно ощупывая его, и от этих прикосновений затошнило. Он не просил пощады, не желая еще больше унижения. Даже когда жадные пальцы больно прихватили тело через джинсы.

— Эй, ублюдки, — спокойный голос заставил троицу подобраться, — отпустите парнишку.

— А то что? — насмешливо протянул тот, кто обыскивал его.

— А то будет больно, — почти весело ответил высокий белокожий мужчина в потрепанной куртке с эмблемой «Манчестер Юнайтед».

В следующие мгновения он мог только вжиматься в стену, глядя, как верзила сражается с негодями, взбешенными тем, что кто-то посмел встать между ними и их добычей. У одного в руке сверкнул нож, и, сам не осознавая собственных действий, он схватил крышку от мусорного бака и изо всей силы огрел мерзавца по голове.

— Идем, — верзила улыбнулся ему и положил руку на плечо. И он пошел...

В крошечной квартирке спасителя было на удивление тепло и уютно, хотя по виду это был обычный холостяцкий притон. На маленьком столике перед продавленным диваном валялись обертки от батончиков, вскрытые упаковки с чипсами и банки из-под пива.

— Располагайся, малыш, — сказал верзила, кивая на диван, — поспишь сегодня у меня, а завтра я тебя отведу домой.

— У меня нет дома, — ответил он, чуть помедлив, — мне некуда идти...

...Он был сыном очень богатого человека, который был своим в самом высшем свете, за руку здоровался с членами королевской семьи. Он был разменной монетой в отцовских играх, но посмел пойти против, когда отец объявил ему, что он возвращается в Индию и женится на просватанной за него с детства девушке. Тогда впервые он сказал отцу «нет».

Бежать удалось спустя несколько дней. Один из охранников должен был отвезти его в аэропорт и посадить на самолет. Возле здания аэропорта он ухитрился ускользнуть от бдительного ока своего стража и спрятаться в машине у молодого

таксиста. В ответ на изумленный взгляд парня он молча вынул из кармана всю имеющуюся наличность и попросил отвезти его подальше от аэропорта.

Оказавшись на свободе, он снял деньги со своей карты и выбросил телефон вместе с симкой в первую попавшуюся мусорку. Потом были скитания в городе, который успел стать ему родным. Расплатившись наличкой, он купил в секонд-хэнде потрепанные, но целые джинсы, футболку и худи с капюшоном. Так было меньше шансов, что кто-то узнает его, потому что отец наверняка его искал. Какое-то время он провел, скитаясь по трущобам, снимая квартиру на сутки, чтобы поспать, и пытаясь решить, что делать дальше. На четвертый день он опрометчиво зашел в паб, чтобы немного расслабиться...

Он открыл глаза, все еще плохо понимая, где находится. Над ним склонилось лицо старика с яркими глазами, в которых темнели изорванные анизокорией радужки.

— Вот, выпейте, — к губам прижался твердый край стакана, и он сделал глоток.

Вместе с крепкой ягодной настойкой вернулась память. Ариес поморгал немного, чтобы окончательно сфокусировать взгляд. Голова немного ныла, но боли не было.

— Поразительно, — произнес старик, сворачивая нити в клубок и глядя на него со странным выражением. — Это действительно невероятно, фрей Кирован.

— Вы узнали все, что хотели? — спросил Ариес, прочистив горло и сделав еще глоток настойки.

— И даже более того, — задумчиво произнес Тьенно, аккуратно перенося заполненный кристалл на его законное место. — Пока спокойно дышите, фрей Кирован. И допейте настойку, она поможет вам восстановиться после контакта с Червями кристалла.

— Я в порядке, — Ариес зябко поежился, — могу я идти? Пока еще светло, я успею дойти до Обителю. Мне хочется на свежий воздух, наставник. Тут немного душно.

— Найдете дорогу сами, фрей Кирован? — Хранитель Знаний с сомнением взглянул на него.

— Конечно, наставник, — Ариес поднялся с кресла, покачнувшись, — я запомнил ее еще в первый раз.

— Тогда допейте настойку и идите. И помните, что ваш допуск дает вам право на закрытые секции и на любой уровень библиотеки, даже в хранилище.

Ариес улыбнулся совершенно искренне, хотя внутри все еще пульсировало нечто, чему он не мог дать объяснения.

— Благодарю вас, наставник. Вы даже не представляете, как я рад этому!

Он взял со стола стакан и мелкими глотками допил настойку. Сил это прибавило и неожиданно очень обострило зрение и восприятие. Ариес вышел из комнаты и поспешил к выходу. Увидеть небо, пусть и затянутое облаками, вдохнуть свежий воздух — это было бесценно. Он не мог бы дать отчет даже самому себе в том, насколько сейчас не желает находиться в помещении.

На лицо упали первые капли дождя.

9. Боги и монстры

Легкий ветерок взбивал волосы и забирался под одежду. Ариес стоял, облокотившись об одну из колонн и прикрыв глаза. Страх, пережитый в комнате старого смотрителя, понемногу отпускал. И холод был кстати, чтобы окончательно освободиться от него.

Смеркалось, но он успел бы дойти до Обители. Однако его внимание привлекло нечто, показавшееся необычным. Он увидел Тенджила Крида, скользнувшего между колонн к укромному уголку, почти беседке, образованной вьющимся растением вокруг одной из каменных скамеек. Крид выглядел совсем измученным, словно вся жизнь вдруг ушла из его тела и лишь крохотная искорка теплилась в сердце, позволяя тому биться. Ариес подался вперед, пытаясь рассмотреть того, кто привел профессора в подобное состояние.

Удивлению его не было пределов при виде огромной фигуры в серой хламиде, появившейся из тени. Две руки, обернутые какими-то не то бинтами, не то просто тряпьем, откинули капюшон, открыв яркие черты профессора Фиэра. Прежде чем Ариес успел что-либо понять, Крид со слабым всхлипом бросился на шею своему коллеге, а тот подхватил его, придерживая за талию и бережно стирая слезы со щек. Крид тихо, устало всхлипывал, что-то говоря, и лицо Фиэра все больше мрачнело. Держа Крида в объятиях, он уселся вместе с ним на каменную скамью, поглаживая его, будто успокаивая. Они сидели теперь спиной к Ариесу, и он не мог ни видеть их лиц, ни слышать голосов. Ариес с некоторым смущением скользнул прочь, пытаясь уложить в голове все увиденное.

Он шел быстрым шагом, почти не оглядываясь по сторонам. До Обители было минут пятнадцать ходу, он лишь заметил, что все полянки для отдыха и игр уже пусты. Ветер усилился и забирался под одежду, приятно холодя тело, капли дождя оседали на лице. Уже находясь возле здания для занятий старших курсов, Ариес краем глаза отметил движение в воздухе. Повернулся, но ничего не увидел. Охваченный страхом, он побежал со всех ног. И снова краем глаза заметил нечто,

проносящееся по воздуху, вот только увидеть это нечто прямым взглядом не удавалось. На подламывающихся ногах он добрался до территории Обители. Дыхание сбивалось, и голова кружилась от быстрого бега. Ариес старался не оглядываться, взгляд его был прикован к дверям Башни Мальчиков.

Что-то с силой ударило в спину, Ариес взмахнул руками, пытаясь устоять, и упал. Попытался перевернуться, это удалось не сразу. Откуда-то донесся грохот, но это не был гром небесный. Ариес, лежа на спине, успел заметить уносящуюся по воздуху небольшую тень и яркую вспышку на вершине одной из ближайших колонн. Что-то обожгло щеку. А потом две сильные руки ухватили его, подняв и развернув в сторону Обители. Массивная фигура Бренна Эйле оказалась между ним и новой вспышкой. Снова раздался грохот. Эйле покачнулся, вскинув руки и творя заклинание. Но что-то происходило там, на колонне, где были вспышки. Ариесу казалось, что он видит, как что-то небольшое бьется и летает вокруг человеческой фигуры, поднявшейся во весь рост. Потом фигура исчезла. Эйле тяжело осел в грязь и воду.

Потоки дождя хлестали сквозь магическую сферу над студенческим городком. Подняв голову, Ариес увидел лишь разрозненные пятнышки защитного купола, сверкавшие тусклым отраженным светом и словно бы смываемые ливнем. Он опустился на колени рядом с Эйле, пытаясь помочь ему подняться. На груди у зрителя расплывалось темное пятно.

— Помогите! — отчаянно закричал Ариес, волоча великана по мокрой земле к башне Обители. — Кто-нибудь, помогите!

Эйле попытался встать и снова рухнул в грязь. Какое-то время Ариес пытался тащить его, но снова выронил и рухнул сверху, плача от отчаяния и страха.

— Внутри, живо! — прогрохотало над ухом. Ариес поднял голову, моргая, пытаясь рассмотреть того, кто пришел на помощь. Двое старшекурсников уже поднимали зрителя, используя заклятия перемещения тяжестей. Ариес увидел обеспокоенное лицо Гришки. За его спиной было еще несколько старших, которые колдовали над неподвижным Эйле.

— Идем, быстрее, — Григорий сжал запястье оцепеневшего Ариеса и потянул к башне, — здесь справятся.

Впрочем, в его голосе не было уверенности. Но Ариес последовал за ним на подгибающихся ногах. Они шли среди групп обеспокоенных и напуганных студентов, которых старосты тщетно пытались разогнать по комнатам. В груди у Ариеса медленно леденело при мысли о том, что Бренн Эйле может умереть.

— Он спас меня, — голос сорвался в стон, — он загородил меня от магии того, кто был на колонне.

— О чем ты говоришь? — Гришка напрягся. — Ты видел кого-то?

— Видел, — Ариес кивнул, остановившись у начала их коридора. — Там был человек... и вокруг него что-то... летало. То самое, наверное. Ну, которое видели другие ученики. О боги, наставник...

Он едва переставлял ноги, задыхаясь от нахлынувшего отчаяния. Гришка поддерживал его. Почему-то было странное чувство, что коридор не тот.

— Мы правильно идем? — спросил он Григория. Тот пожал плечами.

— Я пока еще немного путаюсь в переходах и коридорах.

— Семнадцатая,— сказал Ариес, с сомнением глядя на дверь. — Ладно, если не наша, то извинимся.

Они толкнули тяжелую дубовую створку, входя в комнату, которая была как две капли воды схожа с их жилищем. В камине потрескивало яркое, горячее пламя.

Григорий сдавленно вскрикнул, попятившись, указывая на что-то, лежащее на расстеленном посреди комнаты круглом коврике.

Ариес шарахнулся, неотрывно глядя на обезглавленное тело. Но почти в то же мгновение кто-то схватил его сзади, и холодная кошачья лапа зажала рот. Другая рука перехватила ошалевшего от страха Григория.

— Тише, не вопи, — прошептал Честер, сдвигаясь так, чтобы ребята могли его увидеть, — это всего-навсего наш Хикару. Он улетел охотиться.

Побелевший как полотно Гришка медленно опустил поднятые было для заклинания руки.

— Спокойно, парни, — Честер кивнул на пустующую неразобранную кровать, — садитесь. И дернул же вас Незримый припереться сюда именно сегодня. Ну да ладно. Случайности неслучайны, как я уже имел кучу возможностей убедиться.

Он подкинул пару поленьев в камин и занял кровать напротив той, где устроились первокурсники.

— Хикару, помнится, говорил тебе, что он — дитя сверхъестественного существа и смертной женщины, — голубые глаза с острыми зрачками уставились на Ариеса. Тот кивнул.

— Да, помню. Он говорил, что его отец ёкай, верно?

Ледяные Гришкины пальцы сунулись в ладонь, и Ариес ободряюще сжал их.

— Ну, вот его отец принадлежит той разновидности, которая зовется нукэкуби. И эти существа, они хищники. — Честер постучал по длинному узкому столику между кроватями и взял один из появившихся кубков с амбрессой. — Несколько раз в месяц, ближе к полнолунию, им необходимо охотиться на живую дичь. Голова нукэкуби отделяется от тела и летит на промысел, что поймает, то и съест. Будут черви — съест червей, будут крысы, птицы или что-то покрупнее, с чем она сможет справиться, — съест что добудет. А тело должно в это время оставаться там, где произошло отделение. Сдвигать его нельзя, иначе голова по возвращении не сможет соединиться и погибнет.

Он сделал солидный глоток, и ребята последовали его примеру.

— Мы с Хикару попали сюда в один день и сразу вляпались в историю, — котяра мечтательно улыбнулся. — Как живы остались, до сих пор понять не могу. В общем, подружились мы с ним крепко. Ну и оба наполовину волши. Это объединяет. И когда он признался мне, я решил ему помочь в меру сил. Поэтому когда Хикару улетает на охоту, я здесь, в его комнате, стерегу его тело.

Некоторое время молчание прерывалось лишь шумом ветра за окном и потрескиванием дров в огне. Потом Григорий и Ариес переглянулись.

— Если надо, мы тоже можем присматривать, — сказал северянин уверенным и спокойным голосом. — Только ты нам объясни, что делать и как, и когда... в общем, когда охотник возвращается.

А потом Ариес вспомнил кое-что еще и сжался в комок, обхватив плечи руками.

— Получается, это он сбросил того колдуна с колонны? А до этого наподдал мне, уронив в грязь. Он ведь мне жизнь спас, ребята! Не урони он меня, тот человек на колонне меня бы убил.

Они сидели в теплой полутемной комнате, освещенной лишь светом одной свечи и огня в камине. Честер наколдовал ужин в комнату Асано, которую тот занимал. Но Ариес не мог есть, кусок не лез в горло при мысли о том, что привратник Эйле может умереть. Напрасно Честер пытался его успокоить, послав мыслезапрос в госпитальное крыло и получив ответ, что старый хрыч жив. У Ариеса тряслись руки и то и дело сбивалось дыхание. Григорию удалось лишь немного успокоить его «светом сердца».

Ариес вкратце поведал о своем визите к Хранителю Знаний и о последовавших событиях. В том числе о встрече Физра и Крида, которые явно были взволнованы. И о том, что произошло на пути до Обиталища. Честер подливал амбрессы в его стакан и очень внимательно слушал, хмуря светлые брови, прoderнутые редкими тонкими стрелками вибрисс.

— Все это действительно очень странно, — произнес он, немного помолчав, явно прокручивая в мозгу рассказ Ариеса. — Нет, насчет Крида и Физера не очень странно, мало ли какие отношения могут быть. Разумеется, афишировать свой роман они не станут, это, в общем, плохая идея. Отношения преподавателей должны оставаться за кулисами. Но то, что Крид выглядел испуганным и заплаканным, — это действительно странно. И я уже молчу про того стрелка, что пытался попасть в тебя и ранил старину Эйле.

— Стрелка? — непонимающе нахмурился Ариес. Котюра сделал солидный глоток из своего стакана и вздохнул, видимо собираясь с мыслями.

— Ты ведь читал об огнестрельном оружии, малыш? Не мог не читать, это входит в знания средней школы.

— Разумеется, читал, — Ариес кивнул, — но я думал, его давно уже не осталось.

— То, что ты описал, а так же описание раны старика наводит на мысли о его применении, — сказал Честер. — И, клянусь Незримым, думается мне, что Хикару может рассказать кое о чем.

Послышался шорох и короткая фраза на незнакомом языке. Григорий оглянулся и судорожно вцепился в Ариеса. Они молча смотрели на растрепанную мокрую голову с искаженными чертами и мокрым от крови ртом. Голова скользнула вниз и каким-то поразительным образом пристроилась аккурат к простертому на полу телу.

— Легко на помине, дружище, — с облегчением вздохнул Честер, помогая другу сесть. — Ну и видок у тебя!

— Эйле! — выдохнул Асано со своим жестким акцентом. — Что с ним? Он умер?

— Пока нет, — Честер наколдовал еще один стакан с амбрессой и сунул в руки Асано, — тяжело ранен, над ним сейчас колдуют Эйлиес, Мать Хималани и тот старикан, что с инспекцией прибыл. Они и не таких поднимали. Что ты видел, Хикару? Это ведь ты спас нашего малыша?

— Я, — Асано залпом выпил амбрессу и щелкнул ногтем по стакану, снова его наполняя, — и эту скотину, кажется, убил. Там сейчас старшие преподаватели в полном составе. Во главе с директором Кинто. Я его позвал, когда понял, что дело неладно, а уже он поднял всех старших. Кто-то или что-то разрушило заклятие защиты над комплексом.

— Но кто? — тихо спросил Ариес. Асано пожал плечами.

— Я видел кое-что, но не имею права говорить пока. Только могу сказать, что не

стоит вам — да и никому сегодня — покидать Обитель. Преподаватели и безопасники разберутся с проблемой.

— Мне надо вниз, в молельню, — тихо произнес Григорий, — проводите меня?

— На самом деле не самая плохая идея провести там ночь, — заметил Честер. — Там всяко безопаснее, чем здесь. Твари Бездны ненавидят свет и течение заклинаний-молитв, не могут в них пребывать.

Ариес поежился. Он не особенно доверял молитвам и прочему и не слишком любил богов. Но за Гришкой пошел бы куда угодно, как и за любым из тех, с кем связали его узы сердечной привязанности.

У перехода, ведущего в центральную молельную залу, соединяющую две башни, они встретили Хомбекансини с худеньким чернокожим мальчишкой, одетым в храмовые тряпки. Ариес узнал маленького Кито, младшего братишку Син, спасенного из урагана.

— Абафовету, — девушка сердечно обняла их с Григорием, — хорошо, что вы здесь. Сегодня странный и страшный день. Я ищу Святую Мать, вы ее не видели?

— Она в госпитале, — ответил Честер, наклоняясь и поднимая Кито на руки. — Идем, провожу. Заодно посмотрим, как там на самом деле наш старик Бренн.

В госпитальном крыле было тихо. У входа, в большом пределе, толпились студенты, пришедшие узнать о состоянии Эйле, который пользовался всеобщей любовью и уважением. Честер распихал их локтями, продвигаясь к двери. Он уже почти достиг цели, когда дверь распахнулась, едва не съездив ему по физиономии, и на пороге возникла высокая тонкая фигура в зеленых одеяниях. Ариес узнал профессора Эйлиеса и инстинктивно подался к нему.

— Как мастер Бренн? — собственный голос показался ему жалким и беспомощным.

— Он жив, — ответил Ариес, устало откидывая с лица длинные волосы, — хотя и в очень тяжелом состоянии. Расходитесь, дети мои, ваша скорбь и ваш страх не помогут ему, но, возможно, помогут ваши молитвы Матери и пожелания выздоровления.

Студенты потихоньку потянулись к выходу из придела. Ариес прижался к стене, и его примеру последовали Гришка, Син и Асано. Честер с мальчиком на руках о чем-то тихо говорил с профессором, на чьем лице поочередно проявлялись самые разные чувства. Маленький Кито протянул руку, коснувшись лица Эйлиеса, и тот слабо улыбнулся.

— Идите, и да помогут вам боги, — сказал он, открывая дверь и пропуская котяру с ребенком.

Ариес озадаченно взглянул на друзей.

— Кито хочет помочь, — Хомбекансини вздохнула и обхватила себя за плечи, словно ей было холодно, — он ведь знахарь, отмеченный Великим Змеем.

— А разве таким маленьким можно лечить? — засомневался Ариес.

— Только если они сами пожелают, — ответил Асано, — а мальчик пожелал сам. Идемте, подождем в молельне, это дело небыстрое. Честер приглядит за малышом в случае чего.

Они вышли из придела и пошли в большую молельную залу, где уже собирались студенты от самых младших до тех, кто в этом году завершал обучение. Они сидели кто где: у стен, на ступеньках, кто-то стоял, покачиваясь в молитвенном экстазе. Горьковатый аромат благовоний тяжелым шлейфом заполнял воздух. Благовония... такие же, как в комнате Хранителя Знаний. Ариес вспомнил, о чем хотел спросить у Хомбекансини.

— Син, — позвал он, — слушай, помнишь, ты говорила про аромат в комнате наставника Тьенно? Квенза и алоэ. Ты говорила, что он курится только в покоях твоей матери.

— Да, — кивнула африканка, с любопытством взглянув на него, — а почему ты спрашиваешь?

— Интересно просто, — Ариес сполз на мраморные плиты возле одной из колон, и его друзья устроились рядом. — Для чего используются эти ароматы? Я ведь не ошибаюсь, и здесь тоже они, только немного в другом сочетании.

— Эту смесь у нас называют «Дыханием богов», — сказала Хомбекансини, распуская и наново переплетая Гришкины волосы в косу, прибирая выбившиеся пряди с висков и лба. — Говорят, этот аромат приятен Тем-Кто-Правит. И еще этот запах отгоняет порождения Бездны, поскольку содержит первородное Сияние. Разумеется, его жгут во всех молельнях, только к алоэ и квензе прибавляют еще аромат сандалового дерева и смолу акумы, чтобы курилось медленнее и хватало на долгое время. Из-за этого запах получается резче и грубее.

Ариес благодарно кивнул и нахохлился, глядя на горящие перед ним свечи. Тихая песнь молитвы Матери струилась из уст нескольких Сестер, обосновавшихся по другую сторону круга. Ариес прикрыл глаза. Безумно хотелось плакать, рвать и метать. И даже прикосновения «света сердца» Григория не дало того успокоения, как раньше.

— Ариес, на тебе лица нет, — тихо сказал Гришка, сжав его руку, — что с тобой?

— Не знаю, — Ариес попытался вдохнуть воздуха, но это оказалось сложно, — просто нехорошо как-то. Наверное, слишком много... всего.

Сам уже не осознавая, что делает, он поднялся и побрел среди сбившихся в кучки студентов. Жестоко тошнило, и в глазах стоял красноватый туман. Сильная рука сжала его плечо, поддерживая.

Они с Григорием вышли из молельни и очутились в промежуточном зале, где тоже горели свечи и курились благовония и Сестры молились, окружив худенькое тело, простертое на полу. Ариес покачнулся, чувствуя, как подкатывает новая волна тошноты. В голове взрывались искорками черные звезды. Молитвы Сестер вызывали уже не просто неприязнь, а прямую ненависть.

На подламывающихся ногах он добрался до выхода. У двери стояли двое старшекурсников. Выглядели они измотанными и усталыми и путь Ариесу преградили синхронно, загородив дорогу.

— Куда идешь, малек? — добродушно спросил один из них, рослый и темноглазый. — На сегодня выход закрыт, никому нельзя выходить.

— Просто хотел свежего воздуха глотнуть, — пробормотал Ариес, почти падая на деревянный пол, — как-то нехорошо...

Он успел увидеть встревоженное лицо Григория, другое лицо, очень смуглое, с негритянскими чертами и неожиданно ярко-голубыми глазами. В следующее мгновение мир померк вокруг.

...Он снова лежал на каменной ледяной плите, с Червями кристалла в мозгу, отчаянно кричащий от боли и ужаса, пока темные фигуры скользили вокруг него, низкими голосами выпевая Зов Бездны, то и дело касаясь его. И там, где их руки скользили по его телу, расплзалась кожа и плоть и начинали прорастать Цветы Бездны, черные, алые, пульсирующие его кровью. От криков саднило горло, тело разрывалось от боли, такой чудовищной, что она почти не воспринималась сознанием. Иногда одна из фигур наклонялась, собирая тонкими иглами нектар с Цветов, совсем мало, по крошечной капле с каждого...

...— Пей, крысеныш, — затрещина едва не сбрасывает его с табурета, — и только попробуй не выпить все до капли!

Он смотрит на крупную тяжеловесную фигуру мадам, склонившейся над камином. А затем, решившись, осторожно выливает содержимое кружки в широкую щель между половицами, в следующий миг прижимает край кружки ко рту и делает вид, что допивает. Мадам оборачивается, пристально глядя на него, и возвращается к

своему занятию.

...Снова голоса за дверцей в его каморку. И он вжимается в стену, дрожа от потустороннего ужаса, зажимая себе рот обеими руками.

— Врата открыты. Мальчишка все еще спит, я полагаю?

— Да, повелитель. Я дала ему настойку антейры, он будет спать столько, сколько необходимо.

— Я хочу посмотреть...

Он ложится и вытягивается на жестком ложе в мгновение ока, закрывая глаза. Но продолжает видеть даже сквозь веки. Дверца открывается, пропуская высокую фигуру.

— Сегодня ночью подготовите его в перевозке. Жертвоприношение должно произойти в спокойной обстановке, без спешки и прочих глупостей.

И тогда он понимает, что медлить больше нельзя. И не получится жить с надеждой на избавление. Нужно действовать, и действовать быстро.

Он осторожно сдвигает латку, сделанную из промасленной бумаги в цвет старой стены. Там, за стеной, лес. Но он хотя и опасен, все же не столь страшен, как то, что ждет его. По крайней мере, звери или чудовища сожрут его быстро, без мучений, без боли.

Он бежит через лес, босой, в одной своей жалкой рубашонке на голое тело. Он видит сверкающие из-за кустов глаза, фигуры, скользящие в сумраке. Он слышит рычание и крики, доносящиеся со всех сторон. Но ни одна тварь не трогает его, ни единое чудовище не заступает ему дорогу, и его мозг отмечает это как странность.

...Он сидит в теплой комнате, чисто отмытый, переодетый в теплую рубаху, в которой утопает полностью. И в руках у него кружка с молоком и кусок хлеба — царский ужин, если так посмотреть.

— Наставник, я приготовил постель для мальчика, — говорит высокий худой парень, тоже почти мальчишка на вид, входя через небольшую дверцу в дальнем углу комнаты.

Небольшой человечек в синей блузе, с растрепанными светлыми волосами улыбается парню.

— Спасибо, Тенджил, мой мальчик. Теперь иди, собирайся, у тебя ночью транспорт до университета.

Парень вздыхает и грустно улыбается в ответ.

— Не хочется покидать вас, наставник. Эта школа стала мне домом.

— Тем не менее здесь твои таланты почти не используются. В университете Святого Говарда ты сможешь лучше применить на практике свои знания.

Парень уже у ног хозяина комнаты и склоняет лицо на его колени.

— Не думайте, что я забыл, кто мой благодетель и чем я вам обязан, — тихо говорит он. — Если вдруг однажды хоть какая-то помощь понадобится от меня, хоть что-то, наставник мой, располагайте мной всегда и везде.

— Иди, мой мальчик, и в добрый час пусть будет твой путь проложен. Ведь тот путь, что проложен, не может быть уничтожен.

Небольшая тонкая рука нежно гладит встрепанные волосы парня.

— Да благословит тебя Свет, сынок. Ступай, и пусть чистой будет твоя дорога.

— А мальчик? Что будет с ним? Ведь он...

— Тш-ш-ш, дитя мое, иди. И не бойся. С ним все будет хорошо. Как и с тобой, и с теми, кто нашел приют в стенах этой школы.

Маленький человечек поднимается со своего табурета, и тень его огромна, и трепещут за спиной два белоснежных крыла. Парень уходит в ту же дверцу, откуда появился, а человечек сладко потягивается и улыбается.

— Меня зовут Инто Анделе, малыш. И когда-то я хорошо знал твоего батюшку...

10.Выбор и намерение

Голова ужасающе кружилась, и тошнило так, словно все потроха разом собрались на выход. Ариес открыл глаза, пытаясь дышать мелкими глотками. Неяркий золотистый свет выхватывал из сумрака небольшой стол, батарею склянок и склонившуюся над ними женщину в сестринском одеянии и диадеме.

Тошнота наконец взяла свое. Кое-как справившись с непослушным телом, он склонился над краем кровати. Блевать было особо нечем, только желчью. Почти сразу послышался топоток, и нежные руки приподняли его голову, придерживая за лоб.

Потом Сестра помогла ему сесть и дала выпить какой-то настойки, от которой тошнота почти мгновенно отступила, а в голове прояснилось.

— Как я здесь?.. — пробормотал он, понимая, что находится в госпитальном крыле.

— Тебе стало худо, братец, ты упал и потерял сознание. Профессор Крид принес тебя сюда и велел хорошенько смотреть за тобой. О, а вот и он сам.

Высокая худощавая фигура появилась из сумрака, окутавшего дальнюю часть госпиталя. Сестра улыбнулась и положила руку на плечо пришельца.

— Я вас оставлю, Старший Брат. Если что-то понадобится или кому-то из пациентов будет нужна помощь, зови сразу.

— Спасибо, сестричка, — мягкий негромкий голос падал каплями покоя на измученный рассудок, — я присмотрю и за ним, и за остальными.

Наконец удалось сфокусировать взгляд. Ариес увидел у противоположной стены кровать, на которой лежал Бренн Эйле. Он был бледен, но дышал спокойно и не казался тем, кто умрет вот-вот. На других кроватях тоже лежали люди — студенты, как старшекласники, так и сверстники Ариеса. Среди лежащих в дальнем ряду он с содроганием узнал Ленг Ивангоэ.

— Вы меня вспомнили, да? — тихо спросил Ариес, глядя, как профессор Крид устраивается на соседней кровати. — Еще там, на уроке, вспомнили... а я вас почти забыл.

— Просто твоя память постаралась стереть большую часть болезненных воспоминаний, — ответил Крид, беря его руку и сжимая подушечками пальцев запястье. В другой руке он держал круглый старинный метроном, отсчитывающий крупницы времени.

— Пульс немного учащен, но это не страшно. Тебе повезло, что я оказался рядом. — Крид вздохнул, устало передернув плечами. — Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Устал, — ответил Ариес, глядя на него прищуренными глазами, — ощущение, словно высосан до капли.

— Почти до капли, — Крид нежно коснулся пальцами его саднящей с момента пробуждения скулы, — но мы успели... Ротбарт успел.

— Разве он не снаружи был? — Ариес взглянул в дальнее окно, за которым бушевал ураган и носились обломки деревьев и плит. Крид что-то проделал с его скулой, и саднить, наконец, перестало.

— Снаружи. Но я его позвал, когда понял, что не справляюсь.

Ариес наградил его вопросительным взглядом, не имея сил уже говорить.

— Тот, кто стрелял в тебя из огнестрельного оружия, — сказал Крид, наколдывая узкий длинный столик между кроватями и кувшин амбрессы с двумя стаканами, — использовал пули, смазанные очень редким темным растительным артефактом. Именно потому только помощь маленького Кито и Владыки Дамбаллы помогла нам спасти Бренна. Твоя рана, по счастью, была поверхностной. Поэтому, когда из нее начал расти Цветок Бездны, Ротбарт успел справиться с этим.

Ариес дернулся, как от удара. В памяти снова всплыл темный ритуал и прорастающие в его теле Цветы Бездны. Он судорожно мотнул головой и вцепился в край одеяла.

— Это был нектар, да? — едва слышно спросил он. Крид бросил на него острый, полный боли взгляд.

— Да, нектар Бездны. У Бренна на момент прихода Кито почти все сердце было оплетено Цветами, не знаю, как он вообще продержался. Мальчик с помощью своего искусства не только очистил сердце от Цвета Извне, но и сумел найти и вынуть корни, проросшие в позвоночник и спинной мозг. Нам с ним очень повезло!

— Полегче, Тенджил, — донеслось с соседней кровати, — я еще тут и я жив.

— И я бесконечно этому рад, Бренн, — улыбнулся Крид, поднявшись и прошествовав к кровати, на которой лежал смотритель. — Выглядишь ты всяко лучше, чем было еще пару часов назад.

Он взял с тумбы рядом с кроватью высокий стакан со снадобьем и помог Эйле сесть. При виде потрепанной физиономии смотрителя Ариес почувствовал, как в глазах вскипают непрошенные слезы.

— Наставник, — пробормотал он, не надеясь, что Эйле его услышит, — ох, наставник...

— Спокойно, малыш, — огромный смотритель ободряюще подмигнул ему, — ты сам-то как?

— Его дела еще недавно были плохи, — Крид забрал опустошенный стакан и вернулся к постели Ариеса. — Если бы тому, кто стрелял, удалось его черное дело, здесь, на территории университета, мы бы получили открытые Врата Бездны со всеми вытекающими последствиями. Благодаря тебе, Бренн, нам удалось приостановить действие заклятий, наложенных внутри комплекса. Хотя мы пока не смогли выяснить, кто именно служит Рукой Тьмы и околдовал остальных пациентов.

— Не думаю, что это кто-то один, — пробормотал Эйле, откидываясь на подушку. — А где Ротбарт? Колдует там, снаружи?

— Почти, — Крид не стал углубляться в тему, но скулы его едва заметно потемнели. — Скоро вернется.

— Мне интересно одно, — задумчиво произнес Эйле, — где этот гаденыш, стрелявший в нас, ухитрился разжиться огнестрелом? Ведь единственный оставшийся, насколько я помню, находится в Мискатонике, в старом закрытом хранилище.

— Могу я спросить, — подал голос Ариес, собравшись с силами, — значит ли это, профессор, что из-за меня все? Потому что меня ведь уже открывали как Врата... в детстве. Да вы знаете, профессор Анделе вам рассказал.

Крид наклонился, чтобы поправить сбившееся одеяло. Глаза его подозрительно заблестели, а красивые губы задрожали. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул и только потом заговорил.

— Когда-то безмерно давно я был на твоём месте, фрей Кирован. Когда-то ребёнком меня спас наставник Анделе, вытащив почти из такого же кошмара, в каком пребывал ты. И меня готовили к жертвоприношению Бездне. Потому, когда я нашёл тебя, израненного, избитого, со следами раскрытия на теле, я словно обезумел.

— Это вы принесли меня в школу, — шепотом произнес Ариес, — я вспомнил... я упал не дойдя до ограждения. И вы пришли и забрали меня. Вы плакали...

Крид погладил его по голове. Слезы катились по его щекам, и он уже не сдерживал их.

— Потому что помнил... и знал, через что ты прошёл, — ответил он едва слышно.

Снова навалилась чудовищная усталость. Но Ариес нашёл в себе силы задать последний вопрос:

— Профессор... прошу вас, ответьте... то, что я здесь, угрожает... всем? Ведь я — Врата.

Крид мотнул головой.

— Нет, потому что мы вовремя заперли... и не только твои Врата. Не бойся, фрей Кирован, мы найдём выход. Бездна не получит никого из нас.

Ариес то впадал в полусонное состояние, то выныривал из него, как из темного тяжелого омота. Профессор Крид то сидел рядом, то дремал, устроившись на соседней кровати, то будил Ариеса, чтобы напоить его очередной порцией

горького зелья. Периодически Крид отходил к постели Эйле, чтобы и его напоить снадобьем. Иногда в госпитале появлялись молчаливые, укутанные в голубые одеяния фигурки Сестер, которые обихаживали остальных пациентов. Минуты сливались в часы.

За окнами уже светлело, когда дверь открылась и в палату размашистым шагом вошел Ротбарт Фиэр. Вид у него был потрепанный и усталый, волосы неровными прядями спадали на бледное лицо. При виде него Крид вскочил и бросился навстречу. Фиэр обнял его, прижавшись губами к макушке, что-то тихо шепча, видимо успокаивая. Ариес смотрел на них, и перед глазами всплыло бледное усталое лицо с яркими голубыми глазами.

Красивое яркое лицо с широкой точеной челюстью, кудри, рано продернутые сединой. И острая боль в груди, там, куда вошло острие ножа.

— Прости, малыш... если это способ навсегда запечатать Бездну, то нужно использовать его, — прошептал Олег, обнимая его. Слезы капали из его глаз на лицо Ариесу... нет, не Ариесу... Ранвиру.

Он застонал, уже не зная, кто он, задыхаясь от чудовищной боли в груди. Он почти не видел ничего от этой боли. Он слышал горький горестный вой, переходящий в звериное рычание, и слышал крики Фиэра и Крида. Кто такие Фиэр и Крид? Пальцы, шарящие по груди, не находили ножа, но острие вонзалось все глубже...

...Он молча смотрел на бледное, искаженное горем лицо Олега. Тонкие канавки лабиринта вокруг наполнялись кровью, его кровью. Он с трудом поднял ослабевшую руку, коснувшись щеки Олега. Тот держал его в объятиях, задыхаясь от слез, его боль текла сквозь них обоих, смешиваясь с кровью, заполняющей лабиринт. Он слышал далекие, исполненные ярости и злобы вопли, мутящимся взором выхватывал то одну, то другую фигуру, сгорающую в белом пламени.

— Все... верно, — его губы с трудом разжались, произнося последние слова, — мой...

Потом все погрузилось во тьму.

Ариес очнулся от видения, уже не бывшего сном. Дышать было все еще трудно, безмерно трудно, и лицо жгло огнем. Он коснулся скулы, поврежденной выстрелом, и пальцы натолкнулись на нежные лепестки цветка.

— Ты должен сделать выбор, — сказала хрупкая девчушка в его собственном вязаном свитере, так странно исчезнувшем из его комнаты вскоре после поступления в университет. Свитер висел на ней мешком, спадая до колен. Лицо ее казалось знакомым, хотя он и не мог понять почему.

— Какой выбор? — спросил он, садясь на постели и глядя с удивлением на Крида и Фиэра, склонившихся над выгнутой дугой телом Бренна Эйле. — Что происходит?

— Как видишь, — сказала девчонка, наклонив голову, — они выбрали его. Бросились помогать ему, а не тебе. Хотя ты умирал.

Застывшие фигуры казались изваянными из текущего мрака, как и другие фигуры на постелях.

— Что с ними? Почему они... такие?

— Потому что ты умер, — ответила девчонка, отступая на шаг, — но только от тебя зависит, что будет дальше. Тот путь, что проложен, не может быть уничтожен. Однажды ты запер Врата; тебе не кажется, что теперь стоит их отпереть?

Ариес поднялся с кровати и прошел к постели Эйле. И содрогнулся при виде нескольких бутонов, прорастающих сквозь отверстие в его груди.

— Кто ты? — прошептал он, повернувшись к девчонке. — Откуда ты взялась тут?

— Я это ты, — ответила она, обнажив в улыбке острые зубы, — я всегда была с тобой, братец.

— Братец? — Ариес нахмурился. Девчонка кокетливым движением оправила на себе свитер.

— Ты никогда не задумывался, почему родился один? И почему твоего отца изгнали из семьи?

— Такое тоже случается, иногда рождается только одно дитя, — сказал Ариес, переминаясь с ноги на ногу.

— Не в вашем случае, — усмехнулась девчонка, обходя одну за другой все кровати и сладострастно внюхиваясь в струящийся мрак. — Джон Кирован вступил в брак с той, что была Ключницей. Потому что сам он был Вратами.

— Я не понимаю, о чем ты, — Ариес обхватил руками плечи, пытаясь перебороть ледяной холод, заполняющий тело. — Как это связано с моими снами? И с тем, что сейчас происходит?

— Ты так и не понял, маленький глупый братец, — девчонка подошла к нему и потянулась, взяв за руку. — Идем, я расскажу.

Ариес хотел было вырвать ладонь из ее маленьких цепких ледяных пальцев, но

вместо этого двинулся рядом с ней, как теленок на привязи.

— Ты всегда был Вратами, глупый маленький братец, — мурлыкала девчонка, ведя его через отделение к выходу, — и тогда, и сейчас. Только тогда ты пренебрег своими обязанностями и сбежал, вместо того чтобы жениться на той, что была Ключницей. Так что Ключником для тебя стал твой безмозглый любовник, который, вместо того чтобы полностью распахнуть Врата и выпустить тех, кто был заключен во мгле, запер их на долгие пять сотен лет.

— Олег, — пробормотал Ариес, дрожа от холода, который теперь переполнял его и клубился вокруг.

— О, ты помнишь... и помнишь его имя, — девчонка хмыкнула, недовольно морща нос. — Эти глупцы думают, что мерзкими запахами смогут отогнать нас. Зря надеются. И Матерь им не поможет.

Она протащила Ариеса между группок студентов и Сестер, сбившихся вокруг молелен. Запах курений долетал, как отголосок, до воспаленного сознания. Ариес едва передвигал ноги, спотыкаясь на каждом шагу.

— Зачем я тебе? — пробормотал он, пытаясь цепляться за ускользающие мысли.

— Врата должны быть открыты, — жестко произнесла девчонка, выволакивая его из Обители и таща по залитой ливнем земле к открытой поляне, на которой собралось несколько темных фигур. — Я всегда была с тобой, мой глупый братец. Пусть ты и не видел меня. И это я удерживала тебя от того, чтобы сбежать от старой курицы Вигры. Все твои мыслишки о том, что за пределами дома так же опасно и страшно, что лучше переждать. Хотя, конечно, после молений Бездне это было сложнее всего.

Ариес облизал губы, глядя на молчаливые фигуры и расчерченную горелыми линиями лужайку.

— Ты сказала, что есть выбор, — прошептал он почти одними губами. — Что за выбор?

— Ты позволишь нам открыть Врата, — сказала девчонка, выпуская его руку, — и те, кто находится здесь, возможно, останутся живы. Или же не позволишь... и они умрут в муках, и умирание их будет длиться вечность.

— Ариес!

— Аро!

Крики доносились из невообразимого далека. Мысли куда-то уплывали. Он должен позволить, возможно, тогда...

Перед глазами снова встало залитое слезами лицо Олега. Ключник, его любимый.

— Ведь Врат много, как и Ключников, — произнес он, с трудом двигая заледеневшим языком, — так почему я?

— Потому, что ты подготовлен, и потому, что, пожертвовав свою жизнь во славу Бездны, обретешь больше, чем мечтал, — почти нежно произнесла девчонка.

Лицо перед глазами менялось. Оно по-прежнему оставалось широким, с огромными светлыми глазами, но теперь глаза эти были серыми, словно осеннее небо. Непослушные пепельные пряди торчали во все стороны над высоким чистым лбом.

— Гриш, — пробормотал Ариес, улыбаясь, — Григорий...

Лицо девчонки исказилось от ярости и страха. Это длилось лишь долю мгновения, но он успел заметить. Ариес прикрыл глаза, возвращая лица Григория, Син, Честера, Асано. Стало легче; внутри, в облаке леденящего голода, появилась искорка тепла.

— Никто из вас не коснется меня, — произнес он, отступая от фигур в темных одеяниях и девчонки в его собственном свитере, — потому что я выбираю смерть.

— Ты и так умрешь, — зло сказала девчонка, бросаясь к нему. Лезвие ножа сверкнуло прежде, чем коснуться его груди. Ариес взмахнул рукой, отбросив ее и глядя на нож, торчавший из груди. Он держался на самом кончике. Ариес улыбнулся.

«Закон Намерения заключается в том, что истинное Намерение не требует никаких дополнительных заклятий. Оно должно быть полностью оформлено мысленно и требует для проявления лишь умственного усилия, хотя в некоторых источниках указывается также необходимость словесного изъяснения».

— Я проявляю и выражаю намерение уничтожить Врата, предварительно заперев их раз и навсегда, — произнес он, чувствуя неожиданно такое сильное облегчение, словно с души свалилась целая гора. Отчаянный гневный крик заставил его поторопиться. Повинуясь нажатию рук, нож вошел глубже, вонзившись в самое сердце.

11. Благодарность Паромщика

Тьма была вокруг, но он мог видеть в ней. Запах гари струился вперемешку с серным, горло от него запершило. Закашлявшись, он сел и обхватил голову руками. Кто он? Зачем он?

Земля под ним была горячей и то и дело подрагивала. Он поднялся кое-как, опираясь о неровный обломок стены, возле которой пришел в себя. Глаза понемногу привыкали к тьме, выдергивая новые и новые детали места: развалины, ручейки лавы среди зарослей странных черных кустов, растущих прямо из камня.

Было холодно, несмотря на царившую вокруг жару, и холод был внутри него. Пошатываясь, он двинулся вперед, к далекому источнику бледного желтоватого света, едва различимого глазом. Он шел к этому жалкому отсвету, хотя что-то внутри него кричало, вопило, стонало, говоря, что нет выхода, что тьма навсегда будет вокруг. Он плелся через силу, делая каждый шаг по сотне лет.

«Ты не дойдешь, — шептал голос внутри. — Там, впереди, лишь тьма. Так зачем идти? Такая теплая земля, такая теплая и уютная. На ней жестковато спать, зато тепло. Приляг, поспи».

Он пытался прогнать этот навязчивый черный шепот, сводящий с ума, отбирающий остатки сил и желания сопротивляться.

«Слабость не порок. Приляг, земля так горяча, ты сможешь согреться и поспать. Отдохнуть. Зачем идти вперед, когда можно лечь и уснуть...»

Изнемогая от усталости и холода, он опустился на землю возле ручейка лавы. Забытие навалилось тяжелым темным покрывалом, истачивая последнюю решимость. Он попытался сжаться в комок, устроить поудобнее заледеневшее тело. Рука скользнула по груди, нащупывая что-то маленькое, круглое и твердое под тонкой тканью. Где-то далеко, на задворках памяти зазвучала мелодия, почти неразличимая. Он потянулся за ней, пытаясь хотя бы вспомнить, откуда знает ее.

— Птицы небес, мои чувства с вами, — пробормотал он, не понимая даже смысла слов. — Солнца лучи, мои чувства с вами...

И тут далеким отзвуком, почти неслышным, зазвучали ответные слова:

«...Шелест травы, ты поймешь меня,

Встает солнце,

День начнется

Новой жизнью

Моей.

И мне хорошо...»

Он поднялся, приложив для этого все оставшиеся силы. Песня звучала так далеко, но она протянула ниточку, совсем тоненькую ниточку, которая сияла во мгле перед ним, растягиваясь вдаль. И он побрел вперед, шатаясь от слабости, умирая от тоски и отчаяния. И голос внутри него выл от ярости, теперь уже не упрашивая, а угрожая карами, если он не остановится и не прекратит движение. И тогда он запел, воскрешая в памяти слово за словом, строку за строкой:

— Рыба в морях, ты поймешь меня,

Шум от ручья, ты поймешь меня,

Цвет на деревьях, ты поймешь меня.

Встает солнце,

День начнется

Новой жизнью

Моей.

И мне хорошо.

В памяти всплывали лица, улыбки, радостный смех и тепло. Он брел вперед, шаг за шагом снова обретая воспоминания, задыхаясь от душевной боли, но стремясь к ней, к тому свету и радости, что были укрыты в памяти.

Едва различимое пятнышко света оказалось факелом, воткнутым в держатель на широком плоту. Хозяин плота стоял, опираясь на тяжелый шест. Потрепанный плащ укрывал большое худое тело, из рукавов торчали только руки, перебинтованные и забранные сеткой, да в глубине низко надвинутого капюшона сияли зеленые огоньки. Их было шесть.

На берегу у парома скорчился человек. Тяжелое, массивное тело его казалось сияющим в сгустившейся мгле. Но все же что-то знакомое было в нем.

— Я должен вернуться, — и хриплый, измученный голос его был знаком. —
Прошу, отвези меня! Иначе...

— Плати... — низкий, на грани слышимости, голос заставил волосы подняться дыбом.

Человек на берегу застонал и поднял голову.

— Наставник Эйле, — прошептал Ариес, одним выдохом возвращая и свое имя, и память об этом человеке, и память о произошедшем, — вставайте, наставник.

— Малыш, — в голосе Эйле была такая неистовая боль, что ее трудно было пережить, — они все-таки забрали тебя...

— Вставайте, — Ариес подлез под тяжелую руку и помог ему подняться, — идемте на борт.

— Но...

Ариес пошарил свободной рукой в кармашке рубахи и вынул маленькую золотую монетку, тускло сверкнувшую в свете факела. Все шесть огоньков под капюшоном Паромщика вспыхнули так ярко, что осветили устрашающие черты его лица.

— Ты возьмешь нас обоих, — сказал Ариес, глядя на протянутую руку, — драхма больше обола, а твоя плата была ровно один обол.

Несколько мгновений, показавшихся вечностью, Паромщик молчал. Затем подставил ладонь.

«Да будет так. Но при одном условии, дитя людское. Ты споешь еще раз ту песнь, что привела тебя ко мне».

Ариес помог Эйле забраться на плот и устроился, положив голову наставника себе на колени. Паромщик медленным движением оттолкнул плот от берега. Ариес улыбнулся.

Его песня звучала все громче и увереннее. С каждым толчком шеста Паромщика они удалялись от одного берега, чтобы пристать к другому. Ариес пел, возвращая в памяти лица тех, кто за короткое время успел стать его семьей, его самыми родными и близкими людьми. Он пел не только для Паромщика, но и для них, и далекий, едва слышный голос отвечал ему.

— Звезды горят и поймут меня,

Лес сменит наряд и поймет меня.

Ах, эта свобода

Знакома ли вам?

Встает солнце,

День начнется

Новой жизнью

Моей.

И мне хорошо.

Он пел, и мир менялся вокруг. Он не замечал перемен, но видел склонившееся над ним лицо Паромщика, под капюшоном которого сверкали всего два зеленых огонька.

«И снова песнь твоя согрела и дала чувство покоя мне и моему брату, что хранит пути Темных Рек, — прошелестел в сознании голос, — и в благодарность за нее лишь дам тебе совет. Твой бой не окончен. Тьма не повержена. Есть и другие Врата. Не отпускай рук тех, кто рядом с тобой, дитя людское. И никогда не сдавайся».

Голос умолк. Ариес, пошатываясь, помог подняться Эйле и повел его с плота. Уже оказавшись на берегу, он повернулся и прижал руку к груди.

— Благодарю тебя, Отец Путей. И да обретешь ты покой, которого жаждешь.

Ему показалось, что вздох облегчения и отчаяния вырвался из-под низко надвинутого капюшона. Паром отчалил от берега.

До Обители они добрались засветло. И встретили их недоверчивые, потрясенные взгляды преподавателей и студентов, высыпавших навстречу.

— Живы! Они живы! — завопил чей-то голос, высокий и звонкий. Ариес едва не упал. Но его и Эйле подхватили десятки рук и десятки голосов радостными криками приветствовали их возвращение.

Правда, на входе в Обитель им пришлось пройти испытание Чистоты. Но Ариес видел, как Эйле сам поднялся на ноги и прижался лицом к каменной стене Башни Мальчиков. По щекам его катились слезы, и он обнимал холодный камень как самое любимое существо в мире.

Гришка, Честер, Син и Асано бросились навстречу Ариесу и заключили его в объятия. Их одежды пропахли благовониями, удивительно приятный аромат, подумал Ариес, обнимая в ответ.

Эпилог

Огненный закат был прекрасен. Устроившись на сдвинутых кроватях у

панорамного окна в комнате Асано, Ариес и его друзья любовались потрясающим пламенным небом и пили амбросу, закусывая ее печеньем. Правда, уставший за день малыш Кито уснул, устроившись между Честером и Хомбекансини, которые тихонько беседовали о чем-то своем.

Григорий просто влип в окно, с жадностью поглощая каждый миг заката. Ариес его понимал, как никто другой. Красота мира — то, ради чего стоит жить и сражаться.

В вечер прибытия обитатели университетского комплекса были слишком возбуждены и обрадованы, потому что кошмар, наконец, закончился. Уже позже, собравшись в библиотеке Обители, преподаватели подвели итог произошедшим событиям. Из студентов присутствовало всего шесть человек, те, кто напрямую были участниками истории с Вратами Бездны: Ариес, Григорий, Хомбекансини с братишкой, Честер и Хикару Асано.

Беседа длилась почти всю ночь. Следующий день был объявлен выходным, и большей части студентов были выданы пропуска в библиотеку или же в город, по желанию каждого. А ночь была ночью тайн и открытий.

— Вы уверены, что все действительно закончилось и охрана уже не нужна? — спросил Ариес, кутаясь в теплое одеяло. С одной стороны его поддерживал Честер, с другой — Григорий.

— Уверены, пожалуй, — задумчиво кивнул директор Кинто, невысокий, красивый мужчина с густой гривой темных волос, собранных в необычную прическу, и одежде, какую обычно носили обитатели Японских Островов после Изменения. Он бросил взгляд на профессора Физра, устроившегося в одном из кресел. Рядом, на потертой козетке, накрытой клетчатым пледом, дремал профессор Крид. Остальные преподаватели устроились кто где, со всем удобством, как, впрочем, и студенты.

— Видишь ли, фрей Кирован, — сказал Физр, пригубив содержимое своего стакана, — просмотрев твои сны, записанные на кристалл, я уверился в том, что нить времен тебя не изменила, хотя новое тело и новая судьба привели тебя в университет Святого Говарда. Та жизнь, что явилась тебе во снах и видениях, была тесно связана с нынешними событиями. Именно твоей кровью, точнее кровью того, кем ты был, удалось закрыть Бездну, прекратив вторжение ее богов. Это было величайшее деяние и величайшая жертва, благодаря которой остатки человечества выжили и эволюционировали. Псы Бездны отслеживают всех носителей Врат, всех, кто рождается снова, будучи теми, кем они являются. И они отследили дитя Врат еще в утробе твоей матери. Я послал запрос в Мидден-Морадд, в Храм Матери, где ты появился на свет. То, что я узнал, прозвучит только здесь и не выйдет отсюда.

Физр обвел своим огненным взглядом присутствующих, словно желая убедиться в том, что тайна рождения Ариеса умрет в этой комнате.

— В ночь, когда ты родился, Псы Бездны отыскивали твою мать. В ту ночь была похищена и принесена в жертву Бездне твоя новорожденная сестра. Зачаровав всех, кто был в Храме, Псы также стерли память и твоей матери. До самой смерти своей она была уверена, что родила только тебя. Твоя сестра родилась раньше тебя и лежала в колыбельке у постели вашей матери. Схватки временно прекратились по словам Мириамун Бел-Таг, тогдашней Матушки-Повитухи. Она было успокоилась, решив, что родилась одна девочка. Ты появился на свет три часа спустя, когда все было закончено и Псы ушли.

Фиэр сделал глоток амбрессы, чтобы прочистить горло.

— По какой-то причине они не поняли, не сообразили, что было еще одно дитя. Потому ты выжил в ту ночь.

— Лучше бы не выживал, — в сердцах произнес Ариес, — мою жизнь после маминой смерти приятной не назовешь.

— И это нам известно, — кивнул Фиэр, — но здесь я лишь могу предполагать. Молоко твоей матери дало тебе защиту на первые годы жизни. Потому для того, чтобы снова превратить тебя во Врата, потребовался долгий процесс посвящения.

Ариес содрогнулся, сжав под одеялом руку Гришки. Тот ответил прикосновением «света сердца».

— Нам известно лишь то, что случилось с тобой с момента бегства из дома твоего отца в Школу Святой Божены. Старина Анделе взял тебя под свое покровительство и сделал все, чтобы защитить тебя от мачехи и ее выродка, с раннего детства привыкшего служить Бездне. Надо сказать, здесь кстати пришлось то, что старая ведьма с малых лет приучала его молиться Бездне и отдавать себя под ее покровительство. Это послужило причиной «мертвой крови» твоего сводного брата. Бездна высасывает всю магию из носителей.

— Это страшно, — прошептала Хомбекансини, осторожно обвивая хвостом щиколотку сидевшего рядом с ней Честера, — это очень страшно. Почему же они добровольно отказываются от магии? Что может дать им Бездна взамен?

— Это нам еще предстоит выяснить, — ответил Фиэр, рассеянно перебирая волосы дремлющего рядом Крида, — потому что она оказалась даже не в силах защитить своих адептов после того, как фрей Кирован разрушил их планы и убил себя.

— А как вы узнали? — удивился Ариес.

— Ну, я увидел, как ты идешь следом за этим призраком, — сказал Гришка, вздохнув. — Шевелиться было тяжело, но я все-таки двинулся за вами. Ну и увидел

все, что случилось. И каким-то образом услышал. Сам не понимаю, как и почему так вышло. Но я слышал тебя... и эту девчонку.

— Там, на полянке, я понял одну вещь, — сказал Ариес, глядя на весело потрескивающий в камине огонь. — Точнее, я предположил... наверное, может же быть так, что я не один переродился заново?

— Так и есть, — кивнул директор Кинто, — твой друг Григорий — это тот, кто в прошлой жизни звался Олегом, тот, кто принес тебя в жертву, чтобы закрыть Врата Бездны пять сотен лет назад.

Какое-то время они молчали. Гришка так крепко сжимал пальцы Ариеса, что они заболели. Ариес свободной рукой накрыл его ладонь.

— Тот путь, что был проложен, не может быть уничтожен, — произнес он медленно и раздельно, — так мне сказал Паромщик в первый раз.

Он рассказал о своей первой беседе с Паромщиком после первой битвы в его жизни, о монетке, подаренной им, и о том, какую службу сослужила эту монетка им с Эйле.

— Когда он доставил нас к берегу здесь, он сказал еще кое-что, — Ариес подтянул к себе стакан с напитком и сделал несколько глотков, возвращая в памяти слова, сказанные Паромщиком.

— И что же? — в голосе Физра было нетерпение.

— Твой бой не окончен. Тьма не повержена. Есть и другие Врата. Не отпускай рук тех, кто рядом с тобой, дитя людское. И никогда не сдавайся, — по памяти произнес Ариес.

— Значит, стоит держать ухо остро, — заметил профессор Менса, доселе молча сидевший в своем кресле с высокой колбой в руках, — и следить за тем, что происходит с вами, юноша.

Он взмахнул рукой, и в ладони у него появилось три небольших темных шарика. Метким броском он забросил их в курильницу, стоявшую в углу. Спустя несколько мгновений потянуло нежным сладковатым ароматом. Ариес с удовольствием вдохнул, даже не отдавая себе отчета в том, что это тот же запах, что был в кабинете Хранителя Знаний.

— Вам нравится этот аромат, фрей Кирован? — мягко спросил сидевший рядом с Менсой профессор Эйлиес.

— Очень, — кивнул Ариес, — особенно теперь, когда не душит больше.

— Хороший знак, — сказал Менса, сверкнув своими змеиными глазами, — это значит, что Врата в тебе закрыты либо что их больше нет.

— Еще одно, — сказал Ариес, осторожно извлекая пальцы из ладони Гришки и уstraиваясь так, чтобы обнять его, — кто был тот человек, что стрелял в меня и чуть не убил наставника Эйле?

— Мелкая сошка, служитель Культа Бездны, сумевший пробраться на территорию университета в момент уничтожения защиты, — сказал Фиэр, и в голосе его послышалась затаенная ярость. — Оружие его было украдено из Мискатоникского хранилища артефактов. Полагаю, с единственной целью — принести тебя, мой мальчик, в жертву, открыв Врата прямо в твоём сердце. Пули, одна из которых оцарапала тебе лицо, а вторая попала в грудь Бренну, были смазаны нектаром Цветов Бездны. К счастью, Бренн скорее умрет, чем позволит причинить вред своим подопечным. Даже с неприятной растительностью в своём безупречном сердце.

Эйле, устроившийся на небольшом диванчике, хмыкнул в ответ на его слова.

— Еще вопрос, кто кого спас, — сказал он, улыбаясь Ариесу.

Солнце почти зашло. Вспыхнуло зеленой полосой у горизонта и почти сразу погасло.

— Открой окно, — сварливо произнес Хикару, отделяясь от тела и подлетая к постели, — живее, ты, вкусный человечек!

Ариес торопливо отпер и раскрыл окно, выпуская нукэкуби на охоту. Собственно, затем они и остались здесь, в его комнате, на сегодняшнюю ночь. Нужно было стеречь тело, пока его голова шлялась неизвестно где с исключительно кровожадными целями.

Честер оторвался от поцелуя с Хомбекансини, чтобы зажечь свечи и опустить шторы на окнах. Подкинув поленьев в камин, он вернулся на кровать и наколдовал несколько блюд с овощами и тушеным мясом. Ариес и Гришка набросились на еду, точно голодные духи древних легенд.

— Смотрите не лопните, — посоветовал Честер, снова уstraиваясь рядом со своей принцессой, — а то в следующий раз спасти мир будет некому.

— Будет кому, — проворчал Ариес, проглотив такой большой кусок, что он едва пролез в горло.

Почему-то у него было ощущение, что покой не продлится долго. И ощущение это сопровождалось видением профессора Крида, мечущегося от кошмаров в своей

комнатке на вершине Профессорской Башни.

КОНЕЦ